

ЛАРИСА
СОБОЛЕВА

МАГИЯ УБИЙСТВА

ТАМ, ГДЕ НАСТОЯЩЕЕ
ПЕРЕПЛЕТАЕТСЯ С ПРОШЛЫМ, —
ВОЗМОЖНЫ НЕОЖИДАННЫЕ
ПОВОРОТЫ СУДЬБЫ...

ДЕТЕКТИВ ПО НОВЫМ
ПРАВИЛАМ

Лариса Соболева

Магия убийства

«АСТ»

2015

Соболева Л.

Магия убийства / Л. Соболева — «АСТ», 2015

ISBN 978-5-17-087814-7

В городе при странных обстоятельствах одного за другим убивают людей. Жертвами стали весьма сомнительные личности – альфонс, бандиты, алкоголичка... Все мужчины убиты выстрелом в пах, возле каждого трупа – резиновая змейка. Все убийства похожи на месть. Но каков мотив? Сыщики, Ника и Валдис, пытаются найти хоть какие-нибудь улики, способные пролить свет на эти преступления. Но... неудачи преследуют их. Убийца хитер и коварен. Убийства продолжаются. В дело вмешиваются криминальные авторитеты, которые возмущены гибелью своих братков. Они хотят отмщения и берут в заложники следователя, правда, обещают вернуть его живым в обмен на убийцу. Такого еще не было – мафия диктует условия прокуратуре...

ISBN 978-5-17-087814-7

© Соболева Л., 2015

© АСТ, 2015

Содержание

1	6
2	12
3	20
4	26
5	33
6	39
7	44
8	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Лариса Соболева

Магия убийства

© Л. Соболева, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

1

В запущенной части лесопарка фары рассекли темноту, нырнули, и свет их выхватил из темноты тропинку, терявшуюся среди деревьев и кустов.

– Сюда! Сюда! – закричал паренек, кинувшись к автомобилю и призывно замахав руками.

В автомобиле услышали или увидели его – затормозили. Пока юноша бежал к машине, оттуда вышел молодой мужчина лет тридцати, за ним сублильная девушка, потом еще три человека. Бежавший к ним юноша вдруг остановился, словно одумался, опасливо и запоздало спросил:

– Вы кто?

– Прокуратура, – сказал молодой мужчина.

Он мог бы ничего не говорить, на нем было написано крупным шрифтом: гражданин начальник. В понимании юноши только начальники имеют столь невыразительную внешность и одеваются в стандартные костюмы, чтобы их не перепутали с другими людьми. Однако вид остальной прибывшей компании не внушал ему доверия, и паренек потребовал:

– Документы покажите.

– Думаешь, твой труп, кроме нас, еще кому-то нужен? – с ухмылкой спросил «гражданин начальник», протягивая ему удостоверение в свете фар. – Меня зовут Платон Сергеевич Холод.

Хорошенькая девушка, приехавшая с ним, застенчиво протянула удостоверение, но юноша уже поверил им, махнул рукой:

– Идите за мной, на машине не проедете.

Зона лесопарка не такая уж и большая, но дебри здесь встречаются дремучие, именно по таким дебрям, да еще в темноте, освещаемой единственным фонариком, шла группа за пареньком лет семнадцати. Он волновался, оттого торопился, спотыкаясь почти на каждом шагу, и скороговоркой сообщал, изредка оборачиваясь назад:

– Мы на него случайно набрали, а вокруг никого. Не выходной день, поэтому пусто кругом. Нашли его, когда еще светло было...

– Что ж ты сразу не позвонил? – спросил кто-то из прибывших.

– Я звонил, – заверил юноша. – Трубку не брали. А когда дозвонился, мне не поверили, думали, мы хулиганим... Пришлось еще раз звонить... тоже в справочную, чтоб дали номер прокуратуры...

– От такого стола нас оторвал, – вздохнул еще один.

– А нам что, караулить этот труп до утра, пока вы наедитесь? – возмутился юноша.

– Долго еще? – поинтересовалась девушка и вздрогнула от крика, который раздался неподалеку:

– Мы здесь!

Кричал еще один юноша, к нему жалась девушка в светлой футболке и джинсах. Группа подошла, окружила труп.

– Посвети, Валдис, – попросил Платон Холод молодого и высокого, накачанного, как футбольный мяч, парня, который держал фонарик.

Луч взметнулся и замер на плечах и шее убитого, голова его была запрокинута назад. Убитым оказался здоровенный мужик, про таких в народе говорят: лось – значит, очень крупный. Он полулежал между двумя деревьями, будто застрял в слишком узком для него проеме. В сущности, и застрял. Очевидно, когда он был жив, то стоял как раз возле этих деревьев, после убийства он не упал, а осел и попал между стволами, которые держали его в полулежащем положении.

Валдис сделал пару шагов к нему, поднял выше фонарик, чтобы рассмотреть лицо трупа, устремленное носом вверх, с широко распахнутыми глазами, будто там – в вышине – покойник

оставил свою неосуществленную мечту, к ней и обратил последний взор. Опершись о ствол рукой, Платон Холод тоже заглянул в лицо трупа, но в отличие от Валдиса не увидел в нем романтика, способного мечтать о возвышенном. Убитый показался ему человеком ограниченным, хотя сейчас он, разумеется, не сказал ни слова и уже никогда не скажет.

– Где такие преподанные рожи делают? – произнес Холод.

– Не в пробирке выращивают, – ответил Валдис, повернув козырек кепки назад. – А отшлифовывают на зоне.

– На зоне? – поднял на него глаза Платон. – Это бандит?

– Не просто бандит, а последняя сволочь.

– А что, бывают первые, вторые и третьи сволочи? – пошутил высокомерно Платон.

– У первых и вторых сволочей совесть чуть-чуть теплится, – объяснил Валдис, не обратив внимания на его тон. – А у последних сволочей в душе пусто, как в заброшенной цистерне. Это Канарейка или Кенар. Подонок и мразь. В зону ходил с младенческих лет. Теперь больше не будет туда ходить. По нашим скромным подсчетам, он киллер.

– А по нескромным? – поинтересовался Платон.

Он ведь был человек новый в прокуратуре, как и обомлевшая у куста напротив трупа Ника. После института отправили мальчика Платошу в район работать рядовым следоком, а там скука деревенская, опять же папа с мамой затосковали по сыночку. Великовозрастного отпрыска стараниями родителей перебросили в город.

– По нескромным подсчетам, он руководит синдикатом убийц уже несколько лет, – ответил Валдис. – Все крупные убийства совершались под его командованием.

– Что-то больно нежно его зовут – Канарейка.

– Производное от Канарина. – Валдис медленно провел лучом фонарика по плечам и рукам убитого. – Ух ты, какая гайка! Граммов на десять потянет. Убить – убили, а гайку оставили? Не по-хозяйски.

Правая рука убитого, согнутая в локте, находилась на уровне плеча, зажата между телом и стволом дерева. На безымянном пальце Канарейки сверкал золотой перстень с камнями, действительно напоминавший гайку, ибо был слишком большим и толстым.

– Эти обручки должны уголь ворочать, а не золотые гайки носить, – ворчал Валдис, ведя лучом по фигуре Канарина. – Или лес валить. Желательно где-нибудь в тайге и подальше от жилых центров, чтобы народу не мешать... У-у-у...

Протяжное «у» означало, что даже Валдис слегка растерялся, увидев также обилие крови на Канарине. А кровищи действительно было море. Вся нижняя часть тела залита так, что самой раны не видно – одни сгустки. Валдис и Платон наклонились к животу убитого, пытаясь определить, чем же из него выпустили кровь.

– Очередью прошили, – наконец сказал Валдис.

– Из автомата? – уточнил Платон Холод.

– Похоже, – неуверенно пожал плечами Валдис и шепнул: – Эксперт и криминалист тебе точно скажут, чем его шили, а ты командуй.

– И как мы тут будем?... – в ответ зашептал неопытный Холод. – Света нет...

– А вот так и будем: с фонариком и до утра. Я позвоню, чтоб привезли еще пару фонарей. Начинай, говорю.

– Прошу вас... – Холод повернулся к остальным.

Обратился он к эксперту, а Ника в ужасе попятилась. Сегодня она – такой же новичок в прокуратуре, как и Холод, – накрыла поляну, отмечая свое вступление в должность следователя после учебы в университете и после практики. С этой «поляны», а точнее, из-за стола, они и рванули на убийство, Ника увязалась за мужчинами, требуя себе дела. До этого она значилась на побегушках, к серьезным делам ее близко не подпускали. Ника пятилась, но, как только ее спина коснулась ствола дерева, она вдруг решительно приблизилась к трупу, будто дерево

и подтолкнуло ее. Вторым подошел к труп, напевая известный шлягер, эксперт – человек средних лет. Он натянул латексные перчатки, поиграл в воздухе длинными пальцами, словно перед ответственной операцией, и сказал:

– Свет!

Валдис посветил ему жалким лучиком, но и этого было достаточно, чтобы Ника увидела темную лужу под убитым, джинсы, залитые кровью от пояса до пят, кровавые сгустки на животе. Нет, не просто сгустки, живот убитого был раскурочен начисто. А когда от ветерка в нос ударил запах... У девушки в глазах потемнело, тело приобрело подозрительную легкость, она лишь с удивлением обнаружила, что летит куда-то в космос и слышит голос мальчика, который привел их к трупу:

– О-ёй! Держите ее!..

Наконец-то! С большим опозданием до него дошло, что она не будет против, если он ее поцелует. Скромность, конечно, украшает человека, но в данном случае становится лишним отропком, как шестой палец.

Клара остановила машину возле его дома и не сказала, как сказала бы любому другому мужчине: «Выметайся, мне некогда». Она повернула к нему лицо и ждала... сама не зная чего, но ждала напряженно и, можно сказать, призывно. Они провели много времени в ночном клубе, поэтому на чашку кофе он вряд ли ее пригласит. Впрочем, чашка кофе явилась бы намеком на перелом в их отношениях, и Клара пошла бы за ним, нет, побежала бы. Но он скромный человек – это такая редкость в наше время, хотя ему уже тридцать восемь. Ей тоже не семнадцать, можно было бы проявить активность. Конечно, ему.

И вдруг, когда Клара сочла паузу чересчур длинной, когда она разочаровалась и собралась попрощаться, Мартын положил свою руку на спинку ее сиденья. Он долго и преданно смотрел ей в глаза, отчего она млела не понарошку и, кажется, впервые в жизни. Только потом он лишь слегка, почти незаметно коснулся губами ее губ – вот и весь поцелуй, которого так долго ждала Клара. Ну почему он такой дурак? Неужели не заметил, как сильно нравится ей, что она уже готова к близким отношениям, мало того – жаждет их? Да все он знает, чувствует, видит. Тем не менее Мартын открыл дверцу и сказал, улынувшись:

– До завтра.

И вышел. Клара без сил откинулась на спинку сиденья, со стоном прикрыла веки. Что это за человек, из-за которого она потеряла контроль над эмоциями и разумом? Откуда он взялся со своими древними принципами, когда в постель не ложатся сразу же после знакомства? А они уже месяц знакомы, месяц! Но о постели ни гугу. Один поцелуй и был только что. С другим мужчиной Клара повела бы себя проще, но с Мартыном не может.

Она наклонила голову к рулю и взглянула на окна Мартына, там загорелся свет. Вздыхнув с тоской, Клара помчалась домой, рассуждая, что, в сущности, подобные отношения поднимают из глубин души нечто трепетно-загадочное, возвышенное, делающее человека чище. Может, это нечто и зовется любовью? А ведь, похоже, Клара попалась.

У своего дома она увидела знакомый автомобиль, не стала въезжать в гараж, а остановилась посередине двора. Разговоров сегодня не хочется. И ничего не хочется. Сейчас подойдет Красавчик, Клара пошлет его, а потом поднимется к себе, упадет на кровать и будет мечтать о Мартыне – мужчине ее снов, как это ни банально звучит.

– Привет, – склонился к окошку Красавчик.

Всех вечных юношей, которые успешно старятся, но остаются мальчиками, она зовет Красавчиками, только номера дает им разные. Этот хоть поумней других, потому более интересен ей, да и связывает их обоих давнишня... как бы это сказать... ну, пусть будет дружба.

– Что надо? – спросила она, не посмотрев на него.

– Во-первых, дело есть...

– М-м-м, – недовольно поморщилась Клара. – Какие дела на ночь глядя?

– Посоветоваться приехал. Во-вторых, Кенар пропал.

– Что? – От былой расслабленности и следа не осталось. Клара вся собралась, бросив ночному визитеру: – Подожди, машину поставлю в гараж.

В лифте они поднялись на шестой этаж, Клара открыла дверь, вошли. У нее была прекрасная квартира, о которой она мечтала много лет. Очень важно иметь крышу над головой, но важно еще и то, что под этой крышей все предметы соответствуют знаку качества. Только совсем недавно Клара осуществила эти мечты. А тут еще и волшебное-трепетное чувство явилось нежданно-негаданно, ударило в самое сердце, которое по идее должно было давно остыть, однако еще горит. Но при всех достигнутых ею успехах в жизни внутри Клары поселился некий червячок, да так и прижился. Зовут этого червячка «страх». Примитивный, животный и необъяснимый. Смешно, чего Кларе бояться? А она боится. Боится неизвестно чего. Вот как случается иногда.

Двухуровневая квартира являлась тем излюбленным местом, о котором говорят: мой дом – моя крепость. Здесь и только здесь Клара расслаблялась по-настоящему. Но не сегодня. Сегодня она прошла к бару, по дороге кинув сумку на кресло, налила в хрустальные стаканчики бренди, подала один Красавчику, которого на самом деле зовут обыденным именем Витя.

– Так что с Кенаром? – спросила Клара с легким беспокойством.

– Откуда я знаю? – взяв у нее стакан, пожал тот плечами. – Мы условились встретиться в восемь в баре еще вчера, должны были обговорить завтрашний день, а он не пришел. Я и сегодня прождал его полтора часа.

– На мобилу звонил?

– Естественно. Он ни разу не ответил.

– А что у вас завтра?

– Пикничок на природе, – усмехнулся Витя. – Но теперь отменен.

Клара прошла по комнате, а здесь есть где пройти – не то что в убогих трущобах, где она когда-то жила с родителями. Тридцатидвухлетнюю Клару можно было бы назвать красивой, если бы не хищные и злые глаза, их она всегда прячет за приспущенными ресницами. Малоприятны и презрительно поджатые губы, часто именно они выдают негативные эмоции, живя на лице автономно от ее очередной маски. А масок у Клары несколько, много-то и не надо, чтобы ввести людей в заблуждение и показаться обаятельной, привлекательной, неглупой. Для Мартына у нее одна маска, для подружек – другая и так далее, только с Виктором Клара была такая, как она есть.

Витя... а он действительно стандартный красавчик, предмет мечтаний миллионов женщин, которым нравятся герои сериалов про красивую жизнь, нравятся белые длинные кудри ниже плеч, голубые глаза, правильные черты лица, высокий рост и атлетическая фигура. А что внутри у него, есть ли там душа – ни одна дура не задумывается, потому что оболочка принимается за содержание.

Красавчик Витя упал в кресло, вытянул скрещенные ноги вперед и лениво произнес:

– Мне неприятно, что меня держат за мальчика. И кто? Кенар! Ассенизатор хренов! Я жду этого скота как дешевая телка, а он не является.

– Ты и есть вечный мальчик, – поддела его Клара. Сегодня он ее раздражал, потому что не Витю сейчас она хотела видеть здесь. – Красавчик Витя...

– Не называй меня Красавчиком, – так же лениво запротестовал он. – Банальная кличка, тупая, бесит меня.

– Но приросла к тебе, – уколола его Клара. – Это твоя профессия, разве нет? Однако ты действительно скоро вылетишь из обоймы. Тебе сколько?

– Тридцать семь.

– Вот-вот. Тридцать семь, а ты все еще Красавчик, соблазнитель чужих жен. На лице вон уже морщины появились. И кожа приобрела возрастную отечность.

– Не зли меня, – промямлил он.

Она не злила его, во всяком случае, не имела такой цели, а говорила то, что через несколько лет скажут и ей. Да, у них разный профиль работы, но для Клары так же важен фасад, как для Красавчика, а что будет потом? О будущем не задумываются только болваны, Клара давно подумывала о тихом уголке со всеми удобствами и с дополнением в виде мужа, детей, слуг. И вдруг – о, неожиданность! – появился ОН. Тот, кого Клара хотела бы видеть рядом, кто вряд ли будет раздражать ее, кто идеален во всех отношениях.

Наверное, Красавчик заметил, что с Klarой произошла некая метаморфоза. Она сидела с прямой спиной, отстраненная, сжимала стакан с бренди, который ни разу не пригубила, ушла в себя. Понаблюдав за ней, Витя спросил:

– Что тебя беспокоит, Клара?

– М-м-м? – Она вышла из задумчивости. Вышла несколько нервно, словно не ожидала, что в комнате еще кто-то есть, поэтому ее слегка напугал его голос. – Не знаю... Понимаешь... мне не по себе, когда пропадают люди.

– Ты кого называешь «люди»? – прищурился он, закулив сигарету. – Кенара? Хм! Это отребье?

– А чем мы лучше?

– Клара... – рассмеялся он. – Самоедство тебе не идет.

– Это не самоедство.

– Что же тогда?

«Нет, с ней действительно не все в порядке, – отметил про себя Красавчик. – Судя по бисеринам пота на лбу, Клара находится в том пограничном состоянии, когда истерика может возникнуть на пустом месте. С чего бы это?»

– Это... – сказала Клара, глядя куда-то в пространство. – Ты будешь смеяться, но это страх.

– Страх чего? – Он пересел на подлокотник ее кресла, не вслушиваясь в белиберду, которую она несла, а с намерениями вполне конкретными и приятными.

– Мой страх появился, когда пропала Райка.

– Кто такая Райка?

– Подруга.

– А-а-а, – понимающе протянул он, обняв ее за плечи.

– Все осталось на местах, а ее не нашли. Куда она делась? Если сбежала, то почему не взяла из дома деньги, украшения, одежду? Документы не взяла. Почему неожиданно все бросила и пропала? Никаких причин не было, чтобы так внезапно исчезнуть...

Красавчик Витя трогал губами висок и шею Клары, а она не замечала, не таяла, как обычно. Не заметила также и то, что рука его гладит ее округлую коленку, сдвигая вверх по бедру юбку. Но услышать его услышала.

– Это когда было? – спросил Красавчик.

– Почти семь лет назад.

– Ну... Семь лет! Нервишки забарахлили.

– Терпеть не могу, когда ты говоришь «нервишки», «винишко», «людишки»... Эй! – опомнилась она, когда его руки нагло стали лапать ее. – Витенька, убери щупальца... У меня нет настроения.

Но Витенька уже вошел в экстаз, задышал ей в лицо:

– Appetit приходит во время еды, а мне нужна постоянная практика.

И хватал ее за аппетитные части тела, поднимая из кресла. О, если б это были другие руки, другое лицо, другие губы...

– Отстань, – отбивалась она, но отбивалась безвольно, что только раззадоривало Витю. – Не хочу... Да отцепись же! Убирайся к черту...

Витенька не первый раз восстанавливал нервишки Клары подобным образом, посему не обращал внимания на слабые попытки прогнать его, хотя раньше она с удовольствием шла в постель. Но он знал свое дело, знал женщин, как патологоанатом знает, под каким слоем кожи находится та или иная мышца и для чего она служит.

В это время Клара думала о Мартыне. Спонтанно переключилась на мысли о нем и теперь представляла, что это руки Мартына обнимают ее, его губы целуют.

2

Ника приподняла голову, прекрасно помня, куда и зачем приехала, но почему-то она сидела в машине, к ее вискам Валдис прикладывал мокрый платок.

– Что такое? – встрепенулась она. – Что случилось?

– Ты в обморок упала, – безжалостно сказал Валдис, наливая на платок минеральной воды из бутылки-огнетушителя.

– О боже... – Кончики пальцев Ники коснулись лба, они дрожали то ли от недавнего обморока, то ли от стыда.

– Да ладно, – подал ей платок Валдис. – Со многими случается, с мужчинами тоже, позже все привыкают.

– Ты специально, да? – плаксиво выговорила она.

– Что специально?

– Ты специально врешь? Как я буду смотреть им в глаза? Меня засмеют... всем расскажут... А я так хотела доказать... особенно папе...

Она уткнула лицо в ладони и заплакала как обычная девочка, впрочем, от девчонок Ника ушла недалеко, а может, и вовсе не ушла. Она молоденькая и смахивает на студентку-первокурсницу, наверное, потому, что худенькая. И лицо у нее нетипичное для работника прокуратуры, требующей от личности силы, воли, жесткости, а порой грубости и жестокости. Ну кто видел следователя с нежным лицом школьницы и с постоянно распахнутыми, удивленными серыми глазами? И прическа у нее девчоночья – природой закрученные кудри торчат в разные стороны. А кто видел следователя, который падает в обморок при виде трупа? Где еще есть следователь с мягким и тихим голосом, воспитанный в традициях «извините – пожалуйста – будьте добры»? И не важно, что она такая же папина дочь, как и Платон, важно, что она незапыхавшая и не похожа на детку высокопоставленного чиновника. Надеть бы на Нику бальное платье и запустить куда-нибудь в девятнадцатый век, там ей и место, но никак не в нашем суровом и безжалостном веке.

– Не расскажут, – пообещал Валдис, присев на корточки и положив ладони на колени Нике. – А расскажут – в рог получают, клянусь.

Ника сквозь слезы улыбнулась:

– А как я сюда попала?

– Я перенес тебя. – Новый приступ слез заставил Валдиса применить более активные меры утешения: по головке погладить, по плечикам, обнять! А как же – обнять просто необходимо, чтобы слабое существо не чувствовало себя обделенным и покинутым. – Ника, все решили, что ты не от крови упала, а от переутомления.

– Какое переутомление? – жалобно всхлипнула она. – От чего? Мне вообще никакой работы не дают, только бумажки писать заставляют... А ты – переутомление!

– Потому что берегут тебя. – Он сделал только хуже.

– Я их не прошу беречь меня. Берегут! Не просто же так берегут, а потому что отец им сказал. Я знаю, догадываюсь...

И опять слезы в три ручья. Валдис не представлял, что делать, ведь на нее даже объятия не действуют, а уж его руки излучают такую энергию – экстрасенсы отдыхают. Очевидно, Ника еще маленькая и глупенькая.

– Ничего, просолишься, – сказал он еще одну утешительную фразу.

– Как это – просолюсь?

– Как в бочке. Видела, какими в бочке бывают огурцы? Здоровые, желтые, неаппетитные. Туда бросают маленькие, красивенькие, зелененькие огурчики в пупырышках, а на следующий

день они становятся такими же желтыми и неаппетитными, хотя остаются маленькими. Просаливаются. И ты...

– Стану черствой, циничной и грубой? – вздернула она нос, что означало несогласие с перспективой, обрисованной Валдисом.

– Ты бросаешься в крайности, а я говорил образно. Хочешь, тебя отвезут домой? Наши ребята приехали...

– Еще и ваши приехали?! – ужаснулась Ника.

– Только не плачь! – упредительно выставил ладони Валдис. – Я не гожусь быть носовым платком. Так что будем делать?

– Пойдем к труп.

Она спустила ноги и стала на землю. Валдис удержал ее от неосмотрительного шага, вернее, попытался:

– А тебе опять плохо не станет?

Ника отрицательно мотнула головой и добавила:

– Надо же привыкать... то есть начинать просаливаться.

Девушка мужественно зашагала к группе, ползающей в темноте, которую разрезал свет нескольких фонариков. Когда Ника подошла, мужчины выпрямились. Она не смела поднять на них глаз, знала, что все-все до одного внутри торжествуют, не уважают ее за слабость, наверняка насмеются. Криминалист, пожилой дядька, которого из состояния покоя даже всемирная катастрофа не выведет и который не просолился окончательно, потому что имел закалку от всяческих новых веяний, внедряемых молодыми, сделал вид, будто ничего позорного не произошло:

– Никуля, посмотри, что мы у него нашли.

О, как благодарна была ему Ника! Она подошла к Сократу Викентьевичу, глядя на него с дочерним обожанием, взяла из его рук целлофановый пакет. В нем лежала змейка толщиной с мизинец Ники, а то и меньше, длиной примерно сантиметров двадцать, хотя длину из-за извилин змейки определить было трудно. Ника пощупала ее через целлофан, помяла – гибкая и принимает всегда первоначальное положение.

– Из чего эта змейка? – спросила Ника.

– Да резина, – махнул рукой Сократ Викентьевич. – Эти игрушки делают, чтобы людей пугать. Представь: тебе подбрасывают змейку, ящерицу – на вид настоящих. Ты, естественно, пугаешься в первый момент, визжишь, а дурень, подбросивший тебе эту гадость, закатывается от хохота. А то, бывает, в лицо неожиданно змейку ткнут, представь реакцию, например, женщины. Наш клиент, видать, из таких шутников был, подбрасывал змейку знакомым.

А Ника почти не слушала его, скосила глаза на окровавленный труп и думала, что надо бы подойти к нему, показать всем свою закалку. Но запах крови и трупа – особенный – доставал до носа Ники, от чего наплывами подкатывала тошнота. Девушка все равно, собрав все мужество, какое имелось, пошла к трупу. Если сейчас она не переменит к себе отношение коллег, то уже завтра к ней прилепят какой-нибудь ярлык из самых унижительных. Ника склонилась над трупом, повторяя про себя: «Только бы не упасть, только бы устоять». А какой-то негодяй (она просто не посмотрела – кто именно) осветил фонариком нижнюю часть тела убитого! Видимо, услужил ей, чтобы от молоденькой следовательши не ускользнула ни одна деталь, наверняка надеясь, что она опять грохнется без чувств. Ника задержала дыхание, чтобы не вдыхать тошнотворный запах.

– Изрешетили, – сказал эксперт за спиной.

Он был похож на садиста из фильмов ужасов – длинный, худой, с кажущимся изможденным лицом и в очках. Эдакий Доктор Смерть. Но это как раз был тот случай, когда внешность обманчива. Семен Семенович был человек добрый и веселый, правда, чувство юмора у него весьма своеобразное, не всегда понятное Нике.

– Автоматом? – по-деловому спросила она. Не сама дошла, а слышала об автомате, когда переговаривались Платон с Валдисом.

– Ага, – подтвердил Семен Семенович. – Тут гильз полно. Почти в упор стреляли. Труп чуть больше суток. Дырочки в этом большом теле я у себя в морге подсчитаю, чтобы точно сказать, сколько всадили пуль, но думаю, всю обойму выпустили. Абсолютно не экономные люди. И что примечательно – по низу живота прошлись.

– Почему примечательно? – Наконец она смогла отойти от трупа, выдержав экзамен на прочность! Только немного шатало.

– Потому что обычно стреляют, чтобы убить наверняка. – Это сказал Сократ Викентьевич. – А «наверняк» располагается точно в области груди, где сердце, то есть мишень приличная. Ну, там еще и легкие есть, которые не любят пуль, потому обычно стреляют по груди.

– А почему этого по низу живота?.. – Ника не договорила, так как проглотила внезапный приступ тошноты и вытаращила глаза (в них опять потемнело).

– Карлик, наверное, стрелял, – подал глупую идею Платон, стоявший у трупа, заложив руки в карманы брюк и нарочито показывая: мне все нипочем. Он вальяжно приблизился к Нике. – Выше автомат не поднял, потому что тяжелый. Ника, ты чего упала?

Вопрос он задал тоже глупый и тихо-тихо, не для посторонних ушей, но она ответила громко, чтобы все слышали:

– У меня вегетососудистая дистония. Это болезнь такая... – Ой, дура! Теперь все эти мужики будут думать, что она смертельно больной инвалид. Ника поспешно изменила тему: – Где свидетели?

– Мы их отпустили, – сказал Холод.

– А по мне, так никакой разницы – куда стреляли, – сказал опер из уголовного розыска с пропитым лицом. – Застрелили – и дело с концом. Вы лучше подумайте: чего он сюда приперся? Место глухое, кафе-бара нет, чтобы водки выпить. Что ему в зарослях понадобилось? С кем он пришел? Мы ни одного следа не найдем, тут трава везде по колено. А кто-то ведь пришел с ним. И автоматик случайно в кустах нашел.

– Меня, признаться, все эти вопросы не волнуют, – вздохнул Сократ Викентьевич. – Убитый был исключительной мразью, должно быть, подобная же мразь и расправилась с ним. И хорошо, что количество бандитов иногда сокращается от рук самих же бандитов, раз уж государство скромничает и не берет на себя миссию мусорщика, не очищает свою территорию от мрази. А вот во времена Ивана Грозного секли на площади за малое преступление, бросали в телегу и в необжитые районы выселяли без права возвращения. А за крупное преступление – голову с плеч долой. Очень правильно.

– Такое мурло Канарейкой прозвать, – хмыкнул Платон Холод. – За что птичку обидели?

– Но убийцу будем искать, – заявила Ника с детским пафосом, вызвав улыбки. Особенно Платон ее разозлил, то есть его улыбка – отеческая, снисходительная. От нее Нику затошнило круче, чем от трупа. Но ничего, она еще покажет себя, недаром она носила имя богини победы.

Что делать, когда у себя в постели обнаружил пресмыкающееся? Наверное, этот вопрос целесообразней задавать вторым. Потому что первым будет – как не хватить insult и выжить, когда по твоим ногам поползет нечто живое, неопределенное, длинное и скользкое. Впрочем, в первый момент и не сообразишь, что тварь эта из семейства гадов. Ну откуда может взяться змея в большом городе и в густонаселенном районе? Разве что из зоопарка сбежать, что совершенно нереально. Мы же не в Африке живем и не в Индии, где змеи по улицам ползают. И даже когда рука нащупает округлое, упругое тело, передвигающееся при помощи мышц, даже тогда не придет в голову, что под одеялом пресмыкающееся. Только глаза способны распознать тварь божью, а может, и не божью – как знать...

Мирон Демьянович очень поздно вернулся из кабака вместе с Илоной – в два ночи. Устал зверски, когда уже невозможно ни стоять, ни сидеть, но он выпил тоника в гостиной и побрел из последних сил по лестнице в спальню, раздеваясь на ходу. В пятьдесят три выдерживать многочасовые застолья с обилием выпивки и яств трудновато. Определенную сложность представляет и постоянное напряжение, когда надо держать в фокусе несколько объектов, одновременно вычисляя, кто, с кем и зачем. Поскольку подобные мероприятия часты, обилие яств отразилось на его фигуре, теперь и печень всякий раз мстит за возлияния, а на следующий день после этого Мирон Демьянович вообще бывает никакой.

Он небрежно бросил вещи на кресло, залез под одеяло, и – о счастье, о радость – его уставшее тело замерло в упоительном покое. Из открытой форточки потянуло прохладой. Мирон Демьянович, боясь простуды, натянул на себя одеяло до самого носа, но встать, чтобы закрыть форточку, не стал – сил не было, Илона придет и закроет. Теперь забота о здоровье стала главной целью его жизни, потому что наступил возраст, когда каждый день думаешь о смерти и не боишься, что однажды она придет и к тебе. Ах, если бы все блага свалились на него еще в юности, если бы он начал с высокого полета. Но в юности была комната в общежитии на четыре человека, вечное недоедание и недосыпание, секс только по праздникам и по глубокой пьяни, когда партнерша туго соображает, что происходит. Лучшие годы прошли в нищете, теперь же у него есть все, он может позволить себе многое, и... утекает энергия, уходит здоровье, в затылок дышит проклятая старость. Мирон Демьянович посвящает своему здоровью все свободное время, но от удовольствий отказаться не в состоянии – это уж не жизнь будет, а жалкое существование. Ему опять захотелось пить, он потянулся за минеральной водой на столике рядом с кроватью...

И вдруг под голенью что-то зашевелилось, словно пыталось высвободиться из-под ноги. Мирон Демьянович замер в недоумении, прислушался к собственному телу, потому что шевелиться в постели было некому, значит, судорога свела мышцу, а впечатление возникло, будто там...

Нет, это не мышца. Однозначно, из-под голени выползает некое существо, живое и скользкое. Едва он подумал об этом, как покрылся испариной: кто же там шевелится? Зверей в доме не водится, кроме двух доберманов, которые по ночам охраняют двор. Кошка пролезла в форточку? Глупости. Кошка не существо, а животное, к тому же большое и шерстяное. А это нечто, выползающее из-под ноги, маленькое, тонкое и не имеет шерсти. Оно похоже на червяка. Да, да, да!

– Фу! – раздосадовался Мирон Демьянович, что надо приложить усилия, сесть и заглянуть под одеяло. – Откуда в постели червяки?

Но ЭТО обвило его ногу, поползло по второй!..

Он все-таки подтянулся на руках, сел, откинул одеяло и...

Илона, стоя под душем, услышала нечеловеческий вопль. Она вылетела из ванной, набрасывая халат на мокрое тело, вбежала в спальню. Мирон полулежал на подушках, опершись локтями о постель, отчего-то он стал бордовым, потным, с выпученными глазами, невнятно шипел, будто задыхался. Она кинулась к нему:

– Мирон! Тебе плохо? – Илона схватила его за подбородок и стала трясти. – Скажи же что-нибудь, черт возьми!

– Змея... – выдавил он.

Илона поняла, что Мирон напуган до смерти, когда увидела, куда он смотрит. А смотрел он на свои ноги, неестественно тараща глаза, и не двигался. Илона проследила за его взглядом и... Темно-серая гадючка ползала по ногам Мирона, явно ища выход.

Разумеется, Илона тоже перепугалась насмерть, произвольно завизжала, отскочила. Отскочив, Илона замерла, изучая существо на постели, а Мирон Демьянович прошипел не хуже гадюки:

– Вызывай МЧС. – Илона не двигалась, тупо уставившись на ползающую тварь. – Слышишь, что сказал?

Илона вздрогнула от резкого окрика, перевела полубезумные глаза на Мирона Демьяновича – не поняла, что он хочет.

– Откуда здесь змея? – вымолвила она сдавленным шепотом.

Мирон Демьянович застонал, зажмурившись, по его вискам катился пот. Затем он широко распахнул глаза, но змея не рассыпалась на мелкие части, что означало бы, что кошмар ему привиделся. Дополнительно его бесила Илона, превратившаяся в соляной столб.

– Сделай же что-нибудь, – процедил он.

Илона заметалась по спальне в бессмысленных поисках неизвестно чего. Тем не менее по ее лицу стало заметно, что с шоком она справилась быстро. Конечно, не по ней же ползал гад.

– Почему она до сих пор тебя не укусила? – не найдя ничего лучше, спросила Илона. – И почему она такая черная?

– Умоляю, вызови МЧС, – взвыл Мирон Демьянович.

– Мирон, не дергайся! – панически вскрикнула она, застыв, когда его локоть соскользнул с подушки и невольно вздрогнуло тело, отчего змея собралась и замерла, потом медленно повела головкой. Илона сделала несмелый шаг к кровати, прищурившись, рассматривала змею. – Она не укусила тебя! По-моему, это не гадюка...

– А кто? – взревел он.

Илона сделала еще пару шажков, чуть подалась к кровати:

– Понятия не имею. Но гадюка давно бы тебя ужалила. Посмотри, у нее нет красных ушек, а у гадюк ушки красные. По-моему, это уж или полоз... неядовитый.

– Ты-то откуда знаешь? – еще больше побагровел Мирон Демьянович.

– В школе учила. В зоопарке была...

– Умоляю, вызови...

– Пока они приедут, ты помрешь от шока.

Она кинулась вон из спальни, Мирон Демьянович в это время завыл, будто маленькая гадючка его ужалила ядовитыми зубами и он умирает от яда. Илона вернулась с женским зонтиком-тростью и корзиной для белья, осторожно приблизилась. Корзину поставила у кровати, а длинный острый конец зонтика подвела к гадючке.

– Ты уверена? – побелел Мирон Демьянович.

– В чем? – Илона застыла в нелепой позе.

– Что это уж?

Илона, не сводя глаз с серо-черного извивающегося шнурка, сглотнула комок в горле и вымолвила:

– Не уверена.

– Не трогай!!! Она меня укусит.

– Кто не рискует... Успокойся, от укуса этой твари не умрешь, сейчас полно противоядий. Лежи смирно...

Он зажмурился крепко-крепко и протяжно запищал. Илона подцепила тварь концом зонтика посередине, приподняла и развернулась от кровати, намереваясь скинуть ее в корзину. Но гадючка соскользнула, упала на пол, Илона тут же запрыгнула на кровать, завизжав.

– Что? – открыл глаза Мирон Демьянович.

– Она там. – Стоя на кровати, Илона смотрела на пол. – Не видно. Уползла, наверное, под кровать. Мирон, пока она здесь, я на пол не ступлю.

Он схватил трубку с тумбочки, набрал номер охраны:

– Чего ж ты визжала, раз это уж или полоз? Тоже мне, ботаник. Алло! Вызывайте милицию, у меня в доме змея.

Что залепетал охранник, он не стал слушать, бросил трубку и, повернувшись на бок, свесил голову с кровати, осматривая пол.

Прибыла милиция. Из рассказов пострадавших, которые сидели на кровати, не рискуя ступить на пол, никто ни фига не понял. Но менты начали поиски гадюки, которая, по словам хозяина с женой, находилась в спальне. Никто не мог объяснить, как она сюда попала. Мучились до рассвета, тихонько переговаривались, мол, спяну чего только не привидится. Хозяин злился, жена, младше его лет на двадцать, грубила милиционерам. Те ползали на четвереньках вместе с двумя охранниками, над которыми сами же подшучивали:

– Что ж вы гадюку пропустили, а? Надо было визитную каточку потребовать и спросить, из какого болота она прибыла. Плохо охраняете, плохо.

Сдвинули мебель, включая кровать с хозяевами, шкафы изучили, под шкафами тоже – но ничего не нашли. А Мирон Демьянович и его ведьма-жена требовали непременно найти гадюку. На рассвете, когда все выдохлись и уже не шутили, один из охранников сообразил:

– Пресмыкающимся нужна влага, они стремятся к ней и ее чувствуют...

Он огляделся с прицелом. В углу спальни стояли низкие горшки с зелеными растениями, охранник подошел к ним, присел на корточки, изучая поддоны и землю в горшках. Вдруг улыбнулся:

– Вот же она.

– Дави ее, дави! – посыпались советы со всех сторон.

– Тихо вы! – рявкнул охранник, протянул руку и взял гадюку, обвившую куст у основания. – Вас бы подавить. Это же обыкновенный уж. Даже не взрослый, а уженок. Маленький... – нежно гладил он гада кончиками пальцев по головке. – Бедный, сам перепугался. Такой переполох из-за ужонка...

– Откуда ты знаешь, что это уж? – спросил кто-то из милиционеров.

– Да мы их в детстве за пазухой носили, девчонок пугали. Ему молочка надо дать... А потом я его отвезу за город и отпущу.

Милиционеры возликовали, что можно отправиться к женам и детям, но дорогу им перегородил Мирон Демьянович:

– Стоп, стоп, господа. А кто разбираться будет, как эта тварь попала в мою постель? Она что, сама ко мне в гости приползла? На молочко заглянула, да?

Ехидный тон и свирепое выражение его лица однозначно дали понять, что домой господа менты попадут не скоро. Старший из них, капитан, миролюбиво сказал:

– Так это... проблема ликвидирована, уж пойман...

– А кто его сюда принес? – не хуже гадюки прошипела Илона, поставив руки в боки. – Кто его подложил – это вы будете выяснять?

– Да кто ж признается? – промямлил один из милиционеров.

– На то вы и милиция, чтобы без признаний догадаться, кто это сделал, – отчеканила Илона. – Нас не было дома с пяти вечера.

– А кто был? – подхватил капитан.

– Кухарка и охрана, – ответила она. – Домработница ушла еще раньше, она приходящая. Дворник тоже не всегда бывает, кстати, он в дом не заходит.

Ну и кто подбросил гада? Милиционеры все, как один, а их было трое, повернулись к охранникам. Тот, что нашел ужа, запротестовал:

– Не надо нам приписывать чужие подлости. Мы сидели в своей комнате, не выходили...

– Даже в туалет? – подловил его капитан.

– В туалет выходили, – сознался охранник. – Так он рядом с нашей комнатой. А сюда подняться, подкинуть ужонка, потом вернуться – времени нужно больше, чем пописать сходиться. Пардон, – извинился он перед дамой.

Повисла пауза, означавшая тупик. Капитан в замешательстве поглаживал затылок, остальные ждали, что он скажет. А что тут скажешь? Из-за чего весь сыр-бор? Предмет преступления ползал по рукам охранника, Илона брезгливо передернула плечами, искривив губы:

– Какая гадость.

– Гадость тоже хочет жить, – буркнул охранник.

– Поймите, – начал капитан вкрадчиво. – Кто-то неудачно пошутил...

– Ничего себе – шуточки! – справедливо возмутился Мирон Демьянович. – Я ложусь в постель, а по ногам эта тварь ползает! Да как меня удар не хватил! Мне намеренно подбросили гадюку, намеренно! Чтобы я дуба дал.

– Но мы не заводим дел на подобного рода хулиганство, ведь никто же не пострадал, – нашел разумный довод лейтенант.

– А теперь заведите, – не сдавался Мирон Демьянович. – Я всю вашу милицию на уши поставлю, учтите.

Капитан вздохнул, в его сонных глазах мелькнула тоска: придется заниматься чепухой, будто других дел у милиции быть не может.

– Кухарка когда ушла? – поинтересовался он, больше-то не о чем было спрашивать.

– В семь, – сказал второй охранник.

– А кто-нибудь приходил?

– Нет, – в унисон ответили оба стража.

– Мы днем приедем и допросим работников, – смирился мент.

Милиция уехала. Мирон Демьянович тщательно проверил постель и улегся, вскоре пришла Илона, задернула шторы, легла рядом и посмотрела на часы:

– Шесть утра. Что за ночь выдалась!

– Уволю всех к чертовой матери, – пообещал он, обняв Илону.

– При чем тут все? – возразила она. Илона часто возражала ему, из-за этого они ссорились. – Может, совершенно чужой человек тайком пробрался в дом и подложил ужа. Ты проверь, вдруг тебя обокрали.

– Сейф закрыт, а ценные вещи и документы я не бросаю где попало. Да и невозможно чужому залезть в дом. Спи.

Он поцеловал ее в висок, она в ответ что-то вяло промурлыкала и затихла. А Мирон Демьянович не смог расслабиться, как мечтал еще недавно, слишком дорого ему стоила ползучая тварь.

– Ты спишь? – тихо спросила Илона, она тоже не спала.

– Уснешь тут после ползающих шнурков, – буркнул он.

– С кухаркой я сама поговорю, ты не смей с ней разговаривать, обязательно дров наломаешь. Но мне кажется, не она подсунула ужа. Зачем ей это?

– Вот и я думаю: зачем нам в кровать подбросили ужа?

– Скажи спасибо, что не гадюку подкинули. Но это явный выпад.

– А с какой целью?

– Раз изобрели такой изощренный способ досадить нам, то изобретут еще что-нибудь. Выяснится в свое время. На идиотов в погонах не надейся, они тупые – по ромам видно. Как они за преступниками гоняются? Ты фигуры их видел?

– Не до того было. Я только о гадюке думал и о том, кто осмелился мне ее подложить.

– А я рассмотрела ментов – откормленные, как хряки. И всерьез ужа не восприняли.

– Тебе не кажется, что мой охранник подкинул ужа? Как он с ним играл, заметила?

– Если бы он подкинул, то не выдал бы себя, мы бы до сих пор искали ужа. Нет, Мирон, это не он. Ты ему слишком хорошо платишь, чтоб так глупо шутить. Давай хоть немного поспим, а инцидент обсудим на свежую голову.

Она теснее прижалась к нему и вскоре заснула. А Мирон Демьянович еще долго думал: кто это сделал и что хотел этим сказать.

3

С утра пораньше Ника примчалась в прокуратуру пасти зампрокурора, которого боялась больше, чем самого прокурора, и выпасла. Когда встречается крупный мужчина, ему дают определение: шкаф. Но шкаф – это что-то примитивное, Владимир Васильевич далек от примитива, Нике он внушал ужас одним только взглядом Василиска. Дядька он был крупный, с грубыми чертами лица, которые соответствуют характеру, – жесткий, разносит подчиненных в пух и прах, не стесняясь в выражениях. Он не пришел бы в восторг от ее просьбы:

– Ты хоть знаешь, что такое бандитские разборки? Это не убийство на бытовой почве: раз-два – и преступник в СИЗО. Кенара застрелили, скорей всего, свои же, они не имеют привычки оставлять хвосты.

Уже знает, что убит Канарейка! Интересно, про обморок Ники ему тоже доложили? Вряд ли, иначе Владимир Васильевич не стал бы разговаривать с ней, а дал бы кучу бумаг и велел бы переписать каллиграфическим почерком, чтобы было красиво. Или заставил бы кляузы разбирать, а это такая нуднятина – не рассказать!

– Убийство Кенара не будет расследоваться? – наивно спросила Ника.

Голубые глаза Владимира Васильевича поблекли – явный признак, что он недоволен. Он надул щеки, выпустил ртом воздух, вибрируя губами, и вяло-вяло, будто у него высокая температура, сказал:

– Ну, конечно, будет.

– Тогда дайте мне это дело.

Глаза у него совсем побелели, как у зомби:

– Это опасное и бесперспективное дело. Зачем тебе начинать с всяка? Первая неудача всегда плохо сказывается на дальнейшей работе следователя.

– А почему вы решили, что будет неудача? – не сдавалась Ника. – У всех следователей полно дел, одна я даром зарплату получаю. Ну, пожалуйста, Владимир Васильевич...

Про себя он взвесил, что остальные следователи будут отбиваться от этого дела всеми силами, но кому-то за это застреленное отродье браться надо. К тому же заносчивую молодежь проучить никогда не мешает. Дашь им парочку заведомых всяков, они не справятся, потом тактично можно им намекнуть: займитесь чем-нибудь полезным, а не протирайте юбки и штаны в таком ответственном учреждении. Владимир Васильевич соорудил кислую мину и махнул рукой:

– Ладно. Только работать будешь с Холодом. Под его присмотром.

Ника хотела возразить, но сказала:

– Спасибо, – и вприпрыжку помчалась в кабинет.

Устроившись за столом, она разложила чистые листы, задумалась, что писать и, вообще, с чего начинать. Перво-наперво надо выработать четкий план, зафиксировать его на бумаге, чтобы не забыть, а потом... Да чего рассуждать, что делать потом, когда плана-то и нет? Конечно, в следствии есть свои правила, их Ника изучала в университете, но обычно эти правила применимы к бытовым. А серьезные дела, как говорил один из преподавателей, любят нетрадиционный подход. Ника все же взяла ручку и начала писать традиционный план:

«Первое: выяснить, с кем был знаком Канарин. Второе: допросить этих людей. Третье...»

На третьем пункте она застряла, кусала авторучку, и тут вдруг открылась дверь.

– Привет.

Валдис вошел без стука. Энергия из него фонтанировала выше нормы, потому он сразу заполнил собой кабинет, хотя сказал всего одно слово. Кстати, за словом в карман он не лез, но был обаятельный – это правда. Из недостатков у него в арсенале два: открытый до неприличия и крикун, что легко объединяется в слово «невоспитанный». Но при всем при том Вал-

дис первый обратил на Нику внимание именно как мужчина. В университете она меркла перед красотками, не имея эффектной внешности, а за глаза ее так и вовсе звали тухой. Обидно. Несправедливо. Да и слово какое-то... никакое! Само собой, за ней парни не бегали, хотя она вовсе не уродка, а психолог сказал, что у нее заниженная самооценка, отсюда и все проблемы. Но как повысить самооценку, психолог толком не разъяснил.

Валдис с серьезнейшей миной, что ему было несвойственно, двинул к ней. Ника живо смахнула листок с планом в стол, а то засмеет. Несмотря на ухаживания, он такой. Хотя какие ухаживания? Валдис ее никуда не приглашает, просто приходит, болтает о том о сем, иногда домой провожает. Нравится он ей? И да, и нет. Ника теряет перед взрывоопасными людьми.

Тем временем он осторожно полез за пазуху и вынул... букетик паршивеньких гиацинтов, к тому же изрядно помятых. Положил перед Никой на стол.

- Новость! – пролепетала она, чувствуя, как покрывается пятнами. – Это мне?
- А тут еще кто-нибудь есть? – округлил он глаза, оседлав стул.
- В честь чего?
- Поздравляю с первым делом. Надеюсь, не последним.
- Спасибо.

Чтобы не расплыться в улыбке от удовольствия, она закусила нижнюю губу, не акцентируя внимания на драматичном оттенке его последней фразы. Ничего, она докажет, что не туха, Канарейка не станет ее последним делом никогда! Ника прошла к шкафу, где хранились чайные принадлежности, нашла в дальнем углу тонкий стакан (ваз для цветов нет, надо притащить из дома), из графина налила воды и любовно поставила туда чахлые гиацинты. Цветы ей дарили только папа и дядя, ну, еще Восьмого марта сокурсники, но это не то, потому мятый букетик стал настоящим подарком. Она скосила глаза на Валдиса, надо бы спросить у него совета, но неудобно. Пока она искала способ выживания следственных секретов, раздался стук в дверь.

- Да-да... – повернулась Ника к входу.

В отличие от Валдиса Платон Холод всегда стучался. Он был худой, черный, как ворон, потому что носил черную одежду, и у него были замашки графа. Если у Валдиса лицо наподобие пряника, мягкое и улыбчивое, иногда его можно даже принять за простака, то у Платона черты тонкие, он всегда серьезен, даже когда шутит. Мешает воспринимать его серьезно то, что он всеми силами создает образ хладнокровного супермена, имеющего за поясом как минимум два «кольта», а это выглядит по-детски. Самое смешное – Платон тоже неровно дышит к Нике, а еще смешнее, что он никак этого не обозначает. Откуда она знает? Ну... женщина это чувствует. Нравится ли он ей? И да, и нет. Особенно не нравится Нике самомнение Платона, которого ей самой не хватает.

Он вошел и застрял у порога, увидев Валдиса:

- Чуть свет, и я у ваших ног.

Фраза, конечно, была произнесена с иронией и относилась к Валдису, который, сидя к нему спиной, слегка повернул голову и, как всегда, парировал:

- Хочешь сказать, что я здесь лишний?

– Оперативники в прокуратуре лишними не бывают, – проходя к столу, сказал Платон. – Ника, мне поручили вести тебя...

- На поводке? – тут же сострил Валдис.

– Понимание фразы буквально говорит о примитивности субъекта, – бесстрастно вставил шпильку Платон.

– А замечание в оскорбительной форме оскорбляет того, кто его произносит, – нашелся Валдис.

Вот так грубо они пикируются последние четыре месяца и только тогда, когда посторонних не бывает. Ника перестала их останавливать, взывать к разуму одного и другого – беспо-

лезно. Поодиночке оба соглашаются, что ведут себя глупо, а вместе... кошмар! Но сегодня не тот случай. Сегодня она позволила себе командный тон:

– Хватит упражняться в колкостях. – И сама испугалась своего строгого голоса, смягчилась: – Давайте лучше подумаем, где найти свидетелей, то есть тех, кто знал Канарина. Он же где-то жил...

– И хорошо жил, – заверил Валдис. – Казино, девочки, Канары...

– Я не в том смысле, – перебила Ника.

– А, ты имеешь в виду прописку? – понял он. – Основное место прописки – колония. Но он там почему-то долго не задерживался. Отличался хорошим поведением, ну, просто примерно примерного было его поведение в колониях.

– Здесь где он жил? – теряя терпение, спросила Ника.

– В квартире, – ответил Валдис. – Но соседи тебе ничего не расскажут, потому что не в курсе его темных дел.

– А кто расскажет?

– Братва, прошившая его автоматом.

Короче, из его слов стало понятно: сведений о Канарине не дадут. Однако Ника была не намерена отступить.

– А за какие преступления он попадал в колонию?

– По мелочовке. Разбой, ограбления, вымогательство. Ну а в далеком детстве сел за поножовщину. Отличник ему в классе не понравился, он его ножичком – чик! Пацан, к счастью, выжил.

– Ты изучал его биографию? – подал голос Платон.

– Пришлось, – хмыкнул Валдис. – А если серьезно, то, ребята, Канарейка конченный урод.

– Помню, ты это уже говорил, – сказал Платон. – Заведовал киллерами.

– Это наши догадки, а точнее – мои личные.

– На основании чего ты сделал такие выводы?

– Видишь ли, Платон, я из породы гончих, следовательно, постоянно кого-то догоняю. Иногда успешно. То одного догнал, то другого. Ну а когда догоняешь, то беседуешь с человеком. Так я и собрал сведения. По моим неофициальным данным, Кенар не брезговал пускать в расход тех, кого ему заказывали, значит, все его мелкие шалости с разбойными нападениями – развлечения, не более.

– Если уголовный розыск так хорошо осведомлен о Канарине, то почему его не взяли? – вступила в диалог Ника.

– Чтобы взять, нужно иметь одно условие из двух, – усмехнулся Валдис. – Либо поймать его на конкретном деле, либо достать улики. А ни того ни другого нам не посчастливилось получить. Если даже попадался свидетель, его убивали, это и явилось доказательством, что Канарин не просто босота, но зацепиться было не за что.

– И что же, нам никто не поможет? – разочарованно протянула Ника.

– Не-а, не поможет, – заверил Валдис. – Придется вытаскивать сведения, не считаясь с методами.

– Из кого? – обреченно вздохнула Ника, успевшая за короткое время сделать удручающий вывод: ничего у нее не получится.

– У следователей есть гончие типа меня, – хвастливо произнес Валдис. – Похожу по отстойникам, повстречаюсь с «шестерками», авось разговорю.

– Я с тобой, – заявила Ника.

– В тех местах тебе лучше не появляться... – сказал Платон. – Мы вдвоем с Валдисом...

– Ничего не хочу слышать, – замахала руками Ника. – Когда идем? Думаю, сегодня же.

– Как скажете, – пожал плечами Валдис. – Только у меня просьба, граждане следователи, оденьтесь так, чтобы не выделяться из общей массы.

Иногда Валдис и Платон приходят к согласию.

Клара рано выпроводила Красавчика Витю, потом долго валялась в кровати. Какое счастье, что она может позволить себе встать, когда ей захочется. Но именно сегодня предстояло подняться раньше обычного, потому что вчера договорилась сходить в сауну с одной пампушкой, а вечером по плану у нее встреча с Мартыном. Не важно, что ночью она занималась сексом с весьма потрепанным Красавчиком, на самом деле это была репетиция перед близостью с Мартыном. Когда-то же он перейдет к делу? Иначе зачем встречается с ней, дарит цветы, влюбленно смотрит?

Она оделась, приготовила сумку для сауны и маленькую сумочку под цвет обуви, где хранила документы, косметику, ключи, сигареты. Клара вышла на площадку и, закрывая дверь, заметила, как кто-то будто спрятался на верхней площадке. «Детвора», – подумала Клара, спустилась на лифте вниз, машинально проверила почту. Из ящика выпал конверт, Клара успела подхватить его. Без надписи, но запечатан. Она вскрыла конверт, письма внутри не оказалось – странно. Клара потрясла конвертом, на ладонь упала маленькая извилистая...

В следующий миг Клара взвизгнула, отскочив и глядя на пол, куда из ее руки упала... змея! Минуту спустя она с облегчением выдохнула, шок чуточку ослаб, и мозг подал логичный сигнал: а откуда в городе, да еще в почтовом ящике змея? В полумраке подъезда Клара нашла ее на полу у плинтуса, змейка не двигалась, но сохраняла все изгибы. Клара присела.

– О господи! – рассмеялась она. – Игрушка! Ах, маленькие негодяи!

Конечно, это дети подбросили сюрприз в конверте. Подняв змейку, Клара с интересом рассматривала резиновое изобретение, потом взбежала на первый пролет и положила игрушку на подоконник, чтобы детки забрали. День она начала, отбросив лирический туман с мечтаниями о Мартыне, вернее, отложив это до вечера. Она вспомнила задачи, которые вчера не обсудила с Красавчиком. Клара выбрала его номер на мобиле, тут же услышала:

– Клара, хочешь позвать меня еще на один ночной раунд?

– Пошляк, – осадила его она.

– Почему же пошляк? Ты так стонала... как никогда.

«Потому что в мыслях была с другим, а не с тобой», – чуть не выпалила Клара, но сдержалась.

– Забыла тебе вчера сказать. У меня проблемы, без тебя – незабываемого Красавчика – я не обойдусь.

– Ты без ядовитых подколов жить не можешь. Но у меня дело на завершающей стадии, я не могу его бросить даже ради тебя.

– Ах да! – вспомнила она. – Хорошо, даю тебе пару дней, так что поторопись.

– Как я потороплюсь? У меня должен быть Кенар, а я с ним не встретился. Сегодня ему звонил – молчит, урод.

– Да твоего Канарейку, ублюдка недоразвитого, давно пора на помойку выкинуть. Делай что хочешь, но через два дня я тебя жду. Ты понял? Два дня! Наберись силенок, не трать их зря.

– Слушаюсь, – хихикнул он.

Мирон Демьянович проснулся поздно, да и спал-то плохо, но момент, когда встала Илона, проспал. Он спустился вниз, поплелся на кухню, где кухарка парила-жарила, будто в дом нагрянут гости. Это с приходом Илоны появилась традиция готовить здоровую пищу, которая требует затрат времени. Выполняя приказ Илоны не допрашивать кухарку, он взял стеклянный кувшин со свежим апельсиновым соком, налил в стакан, пил по глотку, следя за маневрами у плиты. Пожилая женщина ловко управлялась, Мирон Демьянович мысленно согласился с Илоной – не кухарка подсунула пресмыкающуюся тварь, куда ей! А кто? Кто так

гнушно подшутил? Всем известно, что прислуга не любит хозяев, дающих им работу и заработок.

– Где Илона? – спросил он, все же обуреваемый сомнениями.

– Уехала, – ответила кухарка. – Куда – не сказала.

Мирон Демьянович со стаканом сока перешел в гостиную, набрал номер мобильного Илоны, она ответила:

– Мирон, что-то случилось?

– С чего ты взяла, что случилось? – проворчал он.

– После ужей в постели ничего хорошего ждать не приходится.

– Нет, все нормально. Ты где?

– Еду к подруге, которую обещала устроить в ателье, я говорила тебе.

– Да? Не помню. С кухаркой беседовала?

– Конечно. Мирон, это не она. Заставь охранников проверить все окна. Я подумала, и знаешь, что мне кажется? Кто-то из твоих друзей, которые мне не нравятся, пробрался в дом. Надо точно знать, где спальня, чтобы пройти туда незамеченным, а комнат у нас много.

– Заставлю. Ты скоро?

– Не знаю, как получится. Отдыхай.

После диалога он пил маленькими глотками сок, попеременно думая то о шнурке в постели, то об Илоне. Ему нравилось в ней своеобразие, взрывной темперамент, а когда того требует обстановка – чопорность светской дамы. Последнее – игра, не более, Илона далеко не светская львица, может на приеме снять туфли и танцевать босиком, но играть в львицу умеет. Ему нравился ее острый язык, ум, случалось, советы Илоны, брошенные вскользь и ненавязчиво, здорово помогали ему в трудных ситуациях. Все эти качества являются достоинствами и недостатками одновременно, но именно потому, что в Илоне намешано всего и много, она не скучна, кстати, очень красивая женщина, это тоже немаловажно. Раньше он млеет от длинноногих и костлявых блондинок, потому что положение банкира обязывает иметь дом – супер, машину – супер, девочка в ней тоже должна быть супер по установленным стандартам. Илона небольшого роста, с округлыми формами и брюнетка с крупными чертами лица, но теперь он плюет на стандарты. Нельзя сказать, что в Илону он влюбился безоглядно и без памяти, на такие сугубо юношеские подвиги он не способен. Но в жены никого не звал, род деятельности не позволял ему обзавестись семьей, потому что семья – это всегда слабое место, по которому враги бьют беспощадно. Любовниц имел постоянных и временных, за измены их жестоко карал, а иногда легко с ними расставался. На данный момент он достиг положения, когда битвами и врагами можно пренебречь, поэтому оказал Илоне честь и позвал ее в жены, а она в ответ:

– Не морочь мне голову, и так сойдет.

Его задело: она не захотела поменять хлипкий статус сожительницы на положение жены?! Как это понимать? Все бабы от мала до велика набиваются ему в жены, а Илона отказалась? Нормально? Он (!) хочет узаконить отношения, а она нет. Существует женская логика, но есть и мужская. Так вот мужская логика взбунтовалась:

– А почему, собственно, ты не хочешь идти за меня замуж? Я что – из одних изъянов состою? Или гол как сокол? Или ты выжидаешь, когда появится более крупная птица?

Илона лишь сострадательно улыбалась, тем самым возбуждая в нем дремучее чувство – ревность. Его логика была элементарна: от завидной роли жены такого человека, как он, отказываются либо ненормальные, либо те, у кого есть выбор. Мозги у нее в порядке, значит, кто-то имеется. Мирон Демьянович приставил шпика к Илоне, чтобы выяснить, кто посмел претендовать на нее, она это заметила и устроила ему скандал. Впрочем, скандалом ее ультиматум невозможно назвать, прозвучало это так:

– Прекрати шпионить за мной. Имей в виду: еще раз засеку слежку, ты меня больше не увидишь.

– От меня просто так не уходят, – прозвучала с его стороны угроза.

– А я уйду. У тебя сдвинуты понятия, дорогой. Я не акция, не компания, не активы и пассивы предприятия, которые ты можешь отобрать или купить. Именно поэтому я не выхожу за тебя замуж – не хочу дать тебе право собственника. Со штампом ЗАГСа ты приобретешь свободу, а я – кандалы. Лучше построим наши отношения на взаимном доверии и уважении, этого вполне достаточно. Не хочешь – давай расстанемся.

Он заподозрил, что она мудрит, преследуя некие цели, и стал наблюдать за ней. В конце концов понял: Илоне действительно наплевать на статусы и прочее, она с ним только потому, что ей нравится быть с ним. Но время от времени он ей напоминал: «Ты не передумала?» Однажды услышал:

– Пожалуй, я пересмотрю свои взгляды. Кажется, ты достоин меня.

В этом она вся: не он осчастливил ее, а она его. Так вот, данная позиция гласит: завоюю меня. Приходится прилагать усилия, а объект, на который потрачены силы, становится тебе дорог. Все просто.

Мирон Демьянович допил сок, поставил стакан на стол и вернулся к больной теме: кто подсунул ужа. От одного воспоминания его затрясло.

– Узнаю и шкуру сдеру.

4

Вечером она упивалась общением с Мартыном, хотя он вел себя обычно, казалось, ничто не предвещало бурных страстей. Клара давно забыла, что такое смущение, а с ним смущалась. Забыла, как бывает, когда только и думаешь, чтобы не сказать глупость, и вдруг нечаянно говоришь именно глупую фразу, потом хихикаешь как дура и не знаешь, как быть. Откуда в ней появляется сугубо женская мягкость, когда она с ним? И почему проходит ток по всему телу, когда он берет ее за руку? Почему темнеет в глазах, сердце бьется аритмично? Есть одно объяснение – то самое слово, казавшееся ей ранее выдумкой писателей и поэтов. Люди искусства чрезмерно эмоциональны, вот и называют обычное сексуальное влечение любовью. Клара далека от эмоций, но тем не менее они ее захватили. И это приятно.

У него нет белокурых кудрей, делающих мужчин немного женственными. Нет красивеньких, даже сладких черт лица, нет ухоженного, как у девушки, тела, нет отшлифованных маникюршей ногтей... У Мартына многого нет из набора, позволяющего назвать его красивым, и все же он красив до такой степени, что у Клары мозги стопорились и начинали работать на полную мощность инстинкты. Смотришь на него и видишь: это мужчина от и до. Он не хамло, которое думает, будто наглými выходками походит на самца. Мартын не педерастичное и субтильное существо, а мужик, пусть небогатый, но с ним чувствуешь себя женщиной. Красавчик, уделяющий внешности все свободное время, меркнет перед Мартыном.

Пили коктейли в баре. Клара, волнуясь и оттого плохо контролируя себя, набралась больше положенного, и тут вдруг позвонил Красавчик:

– У меня дела хреновые, все сорвалось по не зависящим от меня причинам. Извини, но тебе придется подождать.

– Плохо, – ворчливо сказала она, у нее испортилось настроение. На миг Клара забыла о Мартыне. – Хорошо, я могу немного подождать, а когда ты планируешь закончить?

– Теперь – как повезет. Может, на днях, а может, через неделю.

– В таком случае завтра я жду тебя. О точном времени сообщу.

– На два фронта я не работаю.

– Я все сказала, – отрубил Клара и выключила телефон, чтоб никаких звонков больше не поступало.

– У тебя неприятности? – спросил Мартын.

Она вздрогнула, вернувшись в реальность. Нельзя же так отключаться, то есть переключаться на паршивого Красавчика.

– Да... – протянула она, нервно смеясь. – Дела не очень... Поехали ко мне? Выпьем кофе в тишине.

– Давай ключи, – поднялся он. – Ты машину вести не в состоянии.

Клара с удовольствием расслабилась в машине и под звук мотора задумалась о будущем, опять о будущем. Так хочется послать всех к чертям собачьим, хочется чего-то полноценного. А полноценность сидит за рулем и смотрит на дорогу. Ни разу Мартын не заигрывал с Кларой, не говорил пошлостей, не делал намеков на интим. Что он за человек?

В квартире, когда Клара засуетилась и собралась сварить обещанный кофе, Мартын поймал ее за руку, неожиданно и несколько грубовато притянул к себе, опять-таки по-мужски. Дальше у Клары сознание затуманилось. Единственное, что пульсировало в висках, – наконец-то!

В баре было очень шумно.

– Что? – не расслышал Валдис, подставил ухо почти ко рту Ники.

– Голова трещит! – крикнула она.

– Терпи, – буркнул он.

Но она догадалась только по артикуляции, что он сказал, обвела глазами зал, набитый молодыми и подозрительными людьми. Платон тоже скучал, часто поглядывал на часы. Четвертый час они торчали в баре, ожидая приятелей Канарина. Музыка... это не музыка, а удары по нервной системе. Музыка гремела без перерывов, отупляя до бараньего состояния. За все двадцать четыре года Ника ни разу не бывала в подобных заведениях. Во-первых, не с кем было ходить, во-вторых, отец стучал пальчиком по столу: ни-ни, там одни негодяи, они увезут, изнасилуют, убьют. А Ника была послушной девочкой и правильно делала, что не шаталась по притонам. Вокруг не молодые люди, а неизвестные науке существа, дикари. И жарко, душно. А запахи – хуже некуда: воняет потом, дешевым парфюмом, пылью и гадостью непонятного происхождения. У Ники было обостренное обоняние, дурные запахи ее просто выводили из себя. Она старательно отвлекалась, думая о Канарине. Ничего при нем не нашли – ни документов, ни сотового телефона, ни денег. Но золотую «гайку» убийца не снял, как это понимать? Сейчас почти все имеют мобильники, Канарин тем более должен иметь. Если допустить, что трубку и деньги забрал убийца, то почему не забрал «гайку»?

Просидели до двенадцати. У Ники чуть не вырвалось: «Попадет же мне от родителей». Но вспомнила, что она вполне взрослый человек, работает, а ее работа требует затрат времени. Хотя все равно проблем не избежать, потому что мать и отец до сих пор считают ее маленькой. Хоть квартиру снимай!

Нужный Валдису парень так и не появился. Когда Ника вышла из бара, то с наслаждением вдохнула выхлопные газы от проезжающих автомобилей. Но у нее едва не развилась болезнь Паркинсона – все тело тряслось после децибел.

Клара встала рано, чтобы смыть вчерашний слой косметики и нанести новый, – Мартын не должен видеть ее блеклой молью и небрежно одетой. Какая чудная ночь была! Первый раз он немного разочаровал Клару, после самца-Красавчика не каждый мужчина способен поразить, зато потом... Нет, теперь никаких Красавчиков, у которых работает лишь один инструмент – в паху, а на большее они не годятся.

Мартын громко фыркал в ванной под душем, Клара напевала себе под нос, готовя завтрак и одновременно сервируя стол. Ей нравилось сегодняшнее утро, обещавшее новый виток в их отношениях.

На кухню Мартын пришел с мокрой головой, в халате Клары, маловатом ему, оттого, наверное, выглядел домашним и смешным, а именно домашнего тепла всегда не хватало Кларе. Она рассмеялась:

– Ты же мокрый. В ванной на полке фен...

– И так высохну, – сказал он, присаживаясь на стул. – У тебя хорошо, уютно. Ого, ты и завтрак успела приготовить?

– Я жаворонок, встаю рано, поэтому успеваю много сделать, – не преминула похвастаться она. Он должен знать обо всех ее достоинствах.

Клара положила на тарелку гору салата, кусок жареного мяса, картофель-фри и поставила перед ним. Она больше наблюдала за Мартыном, чем ела сама, да и не в ее духе набивать желудок с утра, но он – мужчина, ему положено.

– Ты никогда не рассказывала о своей работе, – сказал Мартын.

– Ты тоже не рассказывал, – игриво напомнила Клара.

– Разве? Я работаю заурядным страховым агентом. Кстати, у тебя застраховано имущество, машина? Могу помочь на очень выгодных условиях.

– Все застраховано. Тебя что-то смущает? – Клара тонко почувствовала, что ему немного дискомфортно.

– Да так... Просто интересно, чем занимается одинокая женщина, чтобы добиться такого уровня, – и легким жестом руки обвел вокруг.

– Мой уровень, если уж на то пошло, не слишком высок, а занимаюсь я связями, контактами... нечто вроде сводни.

– Сваха, что ли? – недоверчиво спросил он.

Клара залилась смехом, давая понять, что его мысль далека от истины, но шутливо подтвердила:

– Где-то близко. Я действительно свожу одних людей с другими, получаю проценты от сделок.

Умудрилась сказать правду и при этом ничего не сказать. Он больше не расспрашивал о работе, а предложил вечером сходить в кино.

– Почему в кино? – удивилась Клара, ее в кино никто не приглашал со школьной скамьи. – Сейчас любой фильм можно посмотреть в записи.

– Впечатление не то. Я люблю кинотеатры, большой экран и когда ничто не отвлекает от фильма.

– Кино, хм, – улыбнулась она. – Ну, хорошо, пойдем.

В нем, таком серьезном и вдумчивом, оказывается, сохранилось что-то от мальчишки. Ну кто еще любит загоны для просмотра фильмов? Только мальчишки.

Они издевались. Нет, на самом деле. Милиционеры, искавшие змею в ту кошмарную ночь и прибывшие в полном составе, решили отыгаться, потому и доканывали их идиотскими вопросами. Мирон Демьянович терпеливо отвечал, хотя не избегал язвительности. Илона психовала, но держала себя в руках. Менты сначала осмотрели дом, камеры наблюдения, комнату охранников, измерили (!) расстояния в доме от одной стены к другой, от одних дверей к другим, будто собирались его перепланировать. Зачем-то? Потому что издевались. Потом начались вопросы, ответы на которые тщательно записывались.

– Во сколько вы приехали домой? – спрашивал капитан.

– Без пяти два, – ответила Илона.

– Куда вы пошли? – вскинул он на нее свои глаза козла перед заклинанием.

– Я поднялась наверх, сбросила одежду и голой пошла в ванную.

– А вы что делали? – Вопрос он адресовал Мирону Демьяновичу.

– Выпил тоника здесь, в этой комнате, – ответил тот. – Потом поднялся наверх в спальню.

– Как шли: медленно, быстро?

– Медленно, – проговорил Мирон Демьянович с тоской в голосе, вот так три часа эти уроды мурыжили его, Илону и охранников. – По дороге раздевался. Пришел в спальню, бросил одежду в кресло, лег.

Подробности, по мнению Мирона Демьяновича, помогут избежать лишних вопросов. Нет, не избежал, капитан спросил:

– А сколько времени вы пробыли внизу?

– Минуты три. Максимум пять.

Мент записал, повернулся к охранникам:

– Вы знали, когда приедут хозяева?

– Нет, – ответил тот, который нежно отнесся к ужонку. – Наше дело маленькое: дежурим.

– А вы спали до приезда хозяев? Например, по очереди?

– Нет, – ответили оба в унисон.

– Выходили из своей комнаты?

– Я выходил в туалет, – сказал второй охранник.

– В котором часу?

– Да разве я помню! – пожал тот плечами. – Часов в десять...

– А сколько минут вы пробыли в туалете?

– А сколько надо, чтобы... э... справить малую нужду? Сортир рядом, так что мы переговаривались.

– Значит, надолго никто из вас не отлучался?

И в таком духе еще час. Вопросы были и к кухарке, мол, что она готовила, куда ходила, кто ее видел... Осатанеть можно. Закончил капитан высокопарно:

– Будем думать.

И менты удалились с довольными рожами, посмеиваясь.

– Полдня отняли! – Мирон Демьянович наконец позволил себе выплеск гнева. – Полдня издевались над нами!

– Сам напросился, – сказала Илона, расслабившись в кресле. – Мы их продержали до утра, вот они нам и отомстили.

– Я этого так не оставлю... – бушевал Мирон Демьянович.

– Брось. Тебе скажут, что они выполняли свои обязанности по нашему требованию.

Поехали, поплаваем?

– Не хочу, настроение не то. Я поеду в казино.

– Зря, вода снимает напряжение. А я поплаваю.

Илона поднялась вверх собраться, а он еще долго не мог успокоиться.

Забывшие ощущения, когда сидишь в темном кинотеатре, позабавили Клару. Она не столько следила за действием на экране, сколько смотрела по сторонам. Оказывается, зрители в зале – это второе кино. Кто-то ел чипсы, кто-то пил пиво, кто-то целовался, кто-то не отрывался от экрана. Но сколько в этих разных людях, собравшихся в одном зале, непосредственности и естественности, первозданности и свободы! Клара забыла, когда она была такой же, завидовала их умению отключаться, если фильм захватывал, и умению переключаться на партнера рядом, а то и совмещать одно с другим. У нее так не получалось. Глядя на экран, она думала о своих проблемах, а отвлекаясь на зрителей, смеялась над их реакциям. Мартын завораживал ее тем, что он рядом. Но именно в темном зале кинотеатра она поняла, как далека от обычной беззаботной жизни.

– Спасибо за прекрасный вечер, – сказала Клара, когда они после кино решили прогуляться.

– Тебе понравился фильм?

– Очень, – солгала она, так как толком не вникла в сюжет.

– А мне нет. Надуманный.

– Извини. – Клара остановилась, достала из сумочки мобильник, это позвонил Красавчик. – Слушаю.

– Я звонил тебе несколько раз, почему не брала трубу?

– Была занята, отключила мобилу. Что случилось?

– Все в порядке, он улетел. Я назначил на завтра.

– Отлично. Завтра среда, а мне ты нужен в субботу. Позвони после, ладно? Хочу быть уверена, что у меня не будет сбоя.

– Ладно, отчитаюсь. Но в успехе я уверен. Пока.

– Кто звонил в такой поздний час? – поинтересовался Мартын.

– Это по работе, – сказала Клара, беря его под руку.

А майская ночь, расцвеченная огнями, теплая и свежая, настраивала на лирический лад, что тоже было незнакомо Кларе. Она медленно и в ногу шагала рядом с Мартыном, чувствуя себя юной девушкой. И дышала полной грудью, наслаждаясь моментом, и в небо смотрела, но звезд не было видно из-за света фонарей. Как же хорошо просто идти по улице!

Третий день они, как на работу, ходили в один и тот же бар. Ника привыкла к диковой публике, с интересом наблюдала за всеми.

– Я сейчас, – подскочил Валдис.

Он подошел к стойке, парень, сидевший на высоком стуле, повернул к нему голову, видимо, на приветствие. Переговорив коротко, оба двинули к выходу.

– Идем за ними, – вскочила Ника со своего места и начала протискиваться сквозь танцующую толпу.

– Стой, он вернется!.. – крикнул Платон.

Но разве в этом реве можно что-нибудь услышать? Пришлось и ему пробираться следом за ней. После дикого шума Нике на улице показалось, что она оглохла и не слышит привычных звуков – до того было тихо. Валдис разговаривал с парнем из бара у бордюра, отделяющего проезжую часть от пешеходной.

– Не подходи к ним, – сказал за спиной Платон.

– Почему?

– Одному Валдису он, может, и расскажет что-нибудь, а троим вряд ли. Жди.

Минут десять постояли, делая вид, будто Валдис и парень им до фонаря, висевшего над входом. Но вот парень вернулся в бар, Валдис махнул рукой, мол, подойдите. Ника приблизилась к нему с вопросом:

– Что он рассказал?

– Ничего, что поможет нам, – нахмурился Валдис. – Он понятия не имеет, где Кенар. Я показал фотографию, так у него глаза на лоб полезли. Говорит, свои замочить его не могли, как будто не было к тому предпосылок, но он не уверен.

– Кто он? – спросила Ника.

– «Шестерка». Кенара знает неплохо, выполнял его мелкие поручения, к серьезным делам не допущен. Обещал разузнать, кому Кенар дорогу перешел.

– А почему ты ему доверяешь?

– Потому что у него нет вариантов. Попался мне однажды по мелочовке, я его пощадил, но с условием. Теперь стучит мне. Послезавтра, а именно в субботу, договорились с ним встретиться здесь же. Ну что? Поехали?

Третий раз Платон и Валдис провожали Нику домой, не желая уступать друг другу, – ей это нравилось.

В субботу с раннего утра четверка молодых людей загрузила в багажник еду, приготовленную с вечера, пиво, удочки и еще много чего, что вовсе не пригодится. Ехали по свободной трассе весело, хором подпевая известным певцам. Минут через сорок прибыли на поляну и с разочарованием загалдели:

– Что за дела! Наше место занято! Кто посмел? Прогоним!

– Тихо! – поднял руки Валера. Он выпросил у отца иномарку, с ветерком гнал машину и был горд. – Не шумите. Сейчас разберемся.

Он и Кирилл вышли из машины, огляделись. Девчонки тоже вышли, но стояли, держась за распахнутые дверцы. Мальчики обошли небольшой пятачок на поляне, Валера поддел ногой скомканный плед, тем временем Кирилл задержался у столика, на который наверняка кто-то сел, отчего он не выдержал и развалился. Заметил сложенные камни, на них шампур.

– Да нет здесь никого, – сказал он. – Но были. Дня два назад. Смотри, Валерка, шашлыки обуглились, видно, наелись до отвала, напились, как свиньи, и свалили, не убрав за собой.

– Козлы, – выругался Валера. – Изгадили такое место. Девчонки, приберитесь тут, в сторонку все снесите, потом отвезем и выбросим. А мы с Кириллом удочки наладим.

– Ого! – Кирилл поднял с земли бутылку шампанского. – Непочатая. Повезло нам.

Девочки засуетились, одна взяла плед, поморщилась:

– Фу, он, кажется, в крови.

– Ну, так... Где пьянка, там и морды бьют, – со знанием дела, доставая сумки, сказал Валера. – Думаю, костер сразу надо развести и поставить котел. Пока вода закипит, мы успеем наловить рыбы.

– А если не наловите? – спросила Аня, девушка тонкая и беленькая.

– На этот случай я захватил здорового карпа, вчера отцу привезли полмешка, так что уха будет.

– Смотрите, что я нашла! – воскликнула Аня, подняв видеокамеру.

Мальчики подскочили к ней, Рита тоже. Валера выхватил камеру из рук девушки, включил:

– Работает! Ну и зажрались! Такие игрушки бросают.

– Забыли, – уточнил Кирилл. – Перепились и забыли.

– Кассеты нет. – Валера бросил камеру в машину. – Заберем. Что с багажа упало, то пропало, так?

Ему ответили дружным «да». Потом девушки с брезгливыми физиономиями сносили в сторонку остатки чужого пиршества, Кирилл разводил костер, Валера собирал удочки. Пятачок поляны очистили, ветки потрескивали в чаше из камней, достали рыбину, поразившую их размерами, разумеется, чистить и потрошить ее придется девчонкам. Но возник вопрос, кто пойдет за водой.

– Ты иди, – сказала Аня Рите.

– Тогда ты будешь чистить всю рыбу, – поставила условие Рита. – Я терпеть не могу запах тины.

– Ну и подумаешь, – пожала плечами Аня. – А ты тогда будешь чистить овощи и варить уху.

– Ладно. – Рита подхватила котел, черный от сажи, и направилась к воде. – Давайте искупаемся, а потом займемся...

– Ни в коем случае! – запротестовал Валера. – Рыбу распугаем. Сначала рыбалка, потом все остальное.

– Пока вы будете ловить рыбу, мы сдохнем от скуки, – заворчала Рита, снимая одежду. – Терпеть не могу рыбалку.

– Все-то ты терпеть не можешь, – поддела ее Аня. – Неси воду, зануда.

Она развернула газеты, положила карпа, сама устроилась на маленьком стульчике, взяла нож... И подскочила от визга, доносившегося с берега. Мальчики тоже несколько оторопели от непрерывного крика Риты.

– Чего это она? – произнес Кирилл, схватил толстую ветку на случай обороны и побежал к берегу. За ним Валера, за Валерой Аня.

То, что они увидели, заставило их резко затормозить. А Рита кричала, схватившись за голову руками, котел валялся у ее ног. Вскрикнула и Аня, закрыла рот ладонью и попятилась.

На берегу под ивой на спине лежал мужчина. Его ноги были по колено в воде, пах и живот окровавлены, руки раскинуты. Видимо, он пролежал так долго, потому что лицо его приобрело синюшно-лиловый оттенок. Валера подскочил к Рите, увлекая ее, замямлил:

– Идем, идем... Не кричи, он покойник.

Вернулись на поляну, о пикнике не могло быть и речи.

– Сваливаем? – предложил Кирилл.

– Я звоню в ментовку, – доставая мобилу, сказал Валера.

– Его же убили! – занервничал Кирилл. – На фига нам проблемы?

– А при чем тут мы? Мы приехали, нашли труп...

– Не понимаешь? – задергался Кирилл. – Его на нас повесят...

– Не психуй! Не повесят. Его не сегодня убили. Сколько нас? Четверо, а не один человек! На любом допросе у нас не будет расхождений. Между прочим, показания записываются, а ты должен прочесть и подписать. Хуже будет, если мы не сообщим и уедем. Тогда, если нас найдут... Короче, я звоню в ментовку. Только бы связь была... А, черт, нет зоны. Кирилл, дай свою мобилу.

Лучшая связь оказалась у Ани, Валера дозвонился:

– Алло, милиция? Мы нашли труп... Мужчины. Его убили... Не знаю чем, но живот в крови... На берегу протоки... Я объясню...

Он обстоятельно рассказал, как добраться, согласился подождать на трассе группу и показать, где труп. Ребята уложили вещи в багажник, сели в машину и поехали на шоссе, никто не хотел оставаться на поляне.

5

Со вторника отношения с Мартыном развивались, можно сказать, стремительно. Клара заметила, что он часа не мог прожить без нее – часто звонил, уточнял время встречи, спрашивал, не нужно ли чего, интересовался ее настроением. Вчера он разоткровенничался, рассказал о себе в общем-то банальную историю. Был женат, имеет дочь, развелся, оставил жене квартиру, с ребенком видится редко, что его угнетает. Ее так и подмывало сказать: «Я рожу тебе ребенка, только нам желательно уехать». И причину придумала: климат. Да, ей не подходит климат, в этом нет ничего подозрительного. Обосноваться можно где-нибудь на берегу моря, купить домик и жить припеваючи. Но пока об этом говорить рано, пусть Мартын созреет.

И совсем выветрился у нее из головы Красавчик. Вспомнила о нем только вчера, когда нежилась в постели с Мартыном. Несколько раз Клара отвлекалась и набирала Витин номер. Послушав гудки, она недоуменно пожимала плечами и откладывала трубку.

– Кому ты все время звонишь? – недовольно спросил Мартын.

В его голосе послышались нотки ревности – прекрасно!

– Мне должны были сделать отчет еще в среду, а не звонят, – пожаловалась она. – У меня в подчинении несколько человек, трудно с ними.

– Клара, работу надо оставлять на работе. Иди ко мне, ложись. – Она улеглась, положив ему голову на грудь. – Ты можешь на несколько дней оставить дела?

– Не знаю... А что?

– Давай съездим куда-нибудь отдохнуть? Дней на пять. Я должен получить кругленькую сумму, машина, которую собираюсь купить, подождет.

– Ты серьезно? – приподнялась она, заглянув ему в лицо.

– Конечно. Надо же иногда баловать себя, правда?

– Правда, – нежно прижалась щекой к его щеке Клара. – Но у меня тоже есть начальство, попробую отпроситься.

– Не попробую, а отпросись.

Приказной тон несколько не унизил Клару, напротив, дал почувствовать себя женщиной. Ей надоело быть сильной и заботиться о себе, одновременно надоело трястись от страха, что система, в которой она рядовой винтик, однажды даст сбой. И тогда в один далеко не прекрасный день ею заинтересуются люди в погонах, а после этого придется сушить сухари. Пора, пора завязывать. В этом смысле идея Мартына великолепна, за пять дней она постарается привязать его к себе, но... Куда пропал этот красивый идиот? Сказала же: позвони! Клару всегда пугали любые накладки.

С раннего утра в субботу, выпроводив Мартына, как любимого мужа, Клара тут же схватилась за телефон, но все ее многочисленные попытки связаться с Красавчиком закончились неудачей.

– Совсем оборзел, – выругалась Клара.

Сегодня Красавчик ей нужен был позарез, чтобы получить свободу, а свобода нужна, чтобы вплотную заняться Мартыном. Пора и о себе позаботиться, ведь за последние четыре года не находилось мужчин, мечтающих о длительных с ней отношениях. Клара всегда нюхом чувала мужика и его намерения, читала мысли, что вовсе несложно. Мартына ее нюх определил так: твой шанс, не упusti его.

Клара подумала, что бы еще предпринять, набрала номер Роменской. Под такой красивой фамилией прячется редкая гадина, с ней предпочтительнее не иметь дел, но куда денешься? Послушав гудки, Клара вообще растерялась – Роменская не ответила. Клара упорно звонила то Красавчику, то Роменской, оба упорно не брали трубку.

– Испарились все, что ли?

Но когда-нибудь они ответят же? Клара решила звонить через каждые полчаса.

– Ника! – заглянула в комнату мама. – Возьми трубку, тебя.

Поспать в выходной сколько хочешь, поваляться в постели до двенадцати – это ли не счастье? И кому с утра понадобилось ей звонить, что за срочные дела? Ника повернулась на бок, сняла трубку, поднесла к уху:

– Слушаю.

– Это Владимир Васильевич, Ника.

– Да? – мигом села она. Зампрокурора?! Позвонил ей лично?! Значит, полстраны накрыл метеорит. – Что случилось?

– Ты, кажется, хочешь влиться в работу? Собирайся. На пятнадцатом километре труп, говорят, убийство. За тобой заедет Платон.

– Спасибо, Владимир Васильевич.

– Пожалуйста.

Да она бы его сейчас расцеловала! Позвонил! Сам работу дал, она не клянчила! Только бы справиться с двумя делами, хотя второе наверняка передадут другому следователю. На секунду мелькнула мысль: а почему дежурного не отправили? Но Ника сразу же и ответила себе: наверное, за ночь произошло еще одно ЧП. Она торопливо оделась и решила позвонить Валдису, он более опытный, а хороший оперативник – залог успеха:

– Валдис, собирайся, мы заедем за тобой.

– А что такое?

– Труп! Мне звонил сам Владимир Васильевич, сказал – убийство.

– Ладно, я готов.

Ника наскоро выпила чаю, у дома просигналили, она рванула к выходу.

На поляну не стали заезжать, остановились. Из первой машины выскочил Валера, замахал руками:

– Сюда. Он у берега лежит.

– погоди, парень, – подходя к нему, сказал Платон. – Расскажи, как вы его обнаружили?

– Мы приехали на рыбалку, – начал, волнуясь, Валера, – а здесь полно мусора...

– Какого мусора? – спросил Валдис.

– Ну, обычного, – развел руками Валера. – Какой бросают после себя.

– Точнее, – сказал Валдис.

– Столик раскладной... он был раздавлен. Потом плед валялся в крови... А на тех камнях шампуров лежали с подгоревшим мясом. Да вон все, мы в одну кучу снесли, – указал он на горку хлама у куста.

– Так вы тут трогали?.. – вытаращился Платон.

– Конечно, – смутился Валера. – Расчистили поляну... Мы же не знали, что на берегу труп.

– Ну, дела, – обреченно вздохнул Платон. – Ладно, показывай труп.

Прибывший вместе с группой опер остался допрашивать Кирилла и девочек, криминалист Сократ Викентьевич, поглаживая ладошками выступающий живот, прохаживался по поляне и мурлыкал:

– Красота, ей-богу. Чудненькое местечко, надо бы сюда на отдых ездить. И костерок приготовлен. Аккуратненько...

Ника, завидев мужчину на берегу, ощутила дрожь в коленках. Неужели опять проявит слабость? «Это всего лишь труп, – панически уговаривала она себя. – Я видела покойников – и ничего. Я справлюсь».

Семен Семенович поставил на траву чемоданчик, раскрыл его, достал перчатки, тогда как Платон и Валдис стали у изголовья тела. Ника остановилась чуть поодаль, ей надо постепенно привыкать к такого рода находкам, а то они при ослабленной нервной системе обязательно по ночам ей будут сниться. Этот точно приснится. Жуть, а не труп. Будто его грубо загримировали для съемок ужастика.

– Он отвратительно выглядит, – не удержалась она от комментария.

– Так лежит несколько суток, на мой поверхностный взгляд, – сказал Семен Семенович. А этому трупы в кайф. Склонился над убитым буквой Г, изучал, словно любимую женщину во время сна. – Сейчас тепло, плюс влажность, плюс его ноги лежали в воде. Естественно, труп изрядно подпортился. М-м-м! При жизни он был красивым мужчиной.

– Вы считаете? – покривилась Ника, не представляя сине-лилового покойника красивым мужчиной.

– Хм! – усмехнулся криминалист, присаживаясь на корточки. – Это же видно невооруженным глазом. Спорим, у него баб... то есть женщин, было полным-полно. Так... Кто будет писать? Ника? Или Платон?

– Нет-нет, – запротестовала девушка, зная, что сейчас начнется подробное описание трупа, пятен на нем, ран и так далее. А ее фантазия облакает скупые слова в яркие образы, в результате предстает картина хуже, чем есть на самом деле. Но и Платон не хотел заниматься писаниной, Валдис тем более:

– Я с ошибками пишу.

– Позову второго оперативника, – предложила Ника.

– Я сам позову, – остановил ее Платон, уходя.

– Валдис, помоги вытащить его из воды, – попросил Семен Семенович. Вдвоем они взяли тело под мышки и вытянули на берег. – А то вода – прекрасный разрушитель мертвецов... Как интересно... – пробормотал Семен Семенович. Валдис склонился над трупом, держась за колени. – Застрелен из пистолета, но! Выстрелы сделаны в пах и низ живота... Последнее время убийцы предпочитают в качестве мишени нетипичные места на теле.

– Семеныч, смотри, у него что-то изо рта торчит, – указал пальцем Валдис.

Тот живо приблизил нос к лицу трупа, отчего Нику чуть не вывернуло наизнанку, но она пока успешно справлялась с собой, поэтому приподнялась на цыпочки, вытянув шею, но не решаясь подойти ближе. И правда: из приоткрытого рта убитого торчал какой-то прутик или что-то другое – издали не определишь.

– Хвостик! – радостно воскликнул криминалист. – Может, ящерица залезла в глотку, да и подохла? Сейчас вытащим...

Он потянул за кончик предполагаемого хвостика... Вот теперь Нику повело, ее затошнило не на шутку, когда изо рта убитого криминалист стал вытягивать нечто длинное и тонкое в слизи. Девушка отвернулась и отошла, чтобы не упасть. Ника несколько раз втянула носом воздух, задерживая дыхание, в голове наступило просветление.

– Это не ящерица, – сообщил озадаченно Семеныч. – И она никогда не была живой.

Ника опасливо скосила на него глаза. Криминалист держал в руке прутик с изгибами...

– Змейка! – вытаращился Валдис, он тоже был немало удивлен. – Точно такая же, какую мы нашли в руке Канарейки.

– Абсолютно верно, игрушки одной фабрики, – кивнул Семен Семенович. – Резиновая змейка... Второй раз... Это уже похоже на знак.

– Какой знак? – вымолвила Ника.

– Не знаешь, что такое знак? – повернул к ней голову Валдис. – В данном случае это дешевый понт. Преступник дает нам метку, подбрасывая змейку, что убийца один и тот же человек, а не разные люди. По-другому такие понты называются вызов. Вызов нам.

Ника расширила глаза, несмело приблизилась к труп. Это действительно интересно. Вызов! Звучит загадочно, неужели преступник начал серию убийств, о чем говорит метка в виде резиновой змейки?

– Выходит, Канарина расстрелял тот, кто убил этого мужчину? – сказала она вслух то, о чем догадались и Валдис с Семеном.

– Почерк разный, – пожал плечами Валдис, все же сомневаясь. – А метка одна и та же.

– Кстати, о почерке. – Семен Семенович поднял руку в перчатке, потом сверху указал пальцем на живот убитого. – Кенарю прошили низ живота, на данном трупе отверстия от пуль тоже в низу живота... Ай-яй-яй... Ему, прости, Ника, самое дорогое отстрелили – милого друга. Думаю, это даже трупу неприятно. Немилосердна рука убийцы.

А Ника думала только о метке, думала вслух:

– Раз убийца намеренно оставляет знак, то это только начало.

– Начало чего? – поинтересовался Валдис, двигаясь к ней.

– Серии убийств. Ну, что ты на меня так смотришь? Я не права? Разве могут оказаться случайно две одинаковые змейки на месте преступления? Значит, их подбросил убийца. Скажи, зачем он подсовывает резиновые змейки?

– Чтобы мы голову ломали, мозги сушили, думая: что это за смельчак такой? Есть категория преступников, которым шумиха нужна, помпа. Чтобы все только о них и говорили, трепеща от страха. Тогда они себя чувствуют героями, сверхчеловеками. Но когда к нам попадают подобные супермены, то жалко блеют, косят под дуриков и просят в психушку. Потому что, по сути, они трусы, боятся боли, лишений, смерти.

– Ты говоришь о маньяках, – возразила Ника. – А мне кажется, убийца не маньяк. И вот почему я так думаю...

– Бледненькая ты какая-то, – сменил тему Валдис, прищурившись.

– Я... – смутилась Ника. – У меня...

– Вегетососудистая дистрофия, помню.

– Дистония, – фыркнула она, обозлившись.

С трудом сдержалась, чтобы не наругать ему. А кому понравится, когда тебя даже выслушать не желают? Будто Ника совсем ничего не соображает, будто понятия не имеет, что такое преступник и преступление. Раздался звонок мобильного, оба повернулись к Семену Семеновичу.

– Это мобильник трупа, – сказал тот, ощупывая карманы джинсов убитого. – Вот он. Какая-то Клара...

– Дайте мне, дайте! – подлетел к нему Валдис, забрал мобилу.

– Поторопись, он лежит третьи сутки, батарея вот-вот сядет, – дал совет криминалист.

Валдис приложил палец к губам, так как поднес к уху мобилу, Ника приподнялась на цыпочки, чтобы тоже услышать, о чем пойдет речь в трубке.

– Красавчик, какого черта не брал трубу? – послышался грозный женский голос. – Что за номера выкидываешь? Я звоню два дня подряд, а он, видите ли...

– Гражданка, потрудитесь назвать себя, – прервал ее Валдис, ведь мобила вот-вот сдохнет.

– Э... А вы кто? – Голос стал растерянным.

– Сотрудник уголовного розыска Валдис Гитис.

– Сотрудник?... А почему, собственно, со мной вы разговариваете, а не?..

– Потому что владелец этой трубы не может с вами говорить. Он лежит мертвый на берегу протоки.

– Как-как?... Мертвый?... Что это значит?

– Его застрелили. Скажите, когда вам будет удобно подъехать в прокуратуру?... Алло! Гражданка... Все, поговорили.

– Батарея села? – осведомился Семен Семенович.

– Живет еще. Клара отключилась. Но теперь ее телефончик у нас есть, имя тоже, а фамилию установим. Установим и личность Красавчика. Тон мне ее понравился: как у генерала.

– Зачем сказал ей, что его убили? – наехала на Валдиса Ника. – Этого не следовало делать. Может, она его жена или родственница, представляешь, что с ней сейчас творится?

– Она не жена, – спокойно сказал Валдис.

– Откуда тебе известно? – распалилась Ника. – Ты все-все знаешь, такой умный, да?

– Жена, Ника, не будет называть мужа Красавчиком. Ни при каких условиях, или я ничего не понимаю в женщинах. Что это за обращение к мужчине, которому, судя по всему, под сорок? Это либо любовница, либо начальница. И потом, чего тянуть? Все равно узнает.

– Но она отключилась, значит...

– Значит, испугалась. Чего, спрашивается?

– Где же наш писатель? – пробубнил Семен Семенович. – Эдак мы тут до вечера промаемся.

После его слов с пригорка сбежал не опер, а Платон:

– Идемте, у нас еще одна находка. Семеныч, вы тоже.

– А я зачем? – Но Семен Семенович последовал за молодыми людьми.

Сократ Викентьевич стоял в отдалении у рощи. Завидев коллег, он указал на нечто, скрытое за высокой травой.

– Семеныч, это по твоей части. А по моей части вот это. – Он поднял пистолет в целлофановом пакете. – Здесь же нашел.

Подожли. У Ники потемнело в глазах, ноги подкосились, и она чуть не упала, ее подхватил за талию Валдис.

– Спо-поткнулась, – выговорила Ника, освобождаясь от его руки. Темнота рассеялась так же быстро, как и нахлынула. – Все нормально.

– Трупаченко, – вздохнул Семен Семенович. – Целых два. То есть еще два. Итого три. Чужало мое сердце: мы надолго здесь.

– Ребята этих двоих не заметили, – сказал Платон. – Мы их выпроводили, не стоит им смотреть на безобразие.

– Да уж, не стоит, – согласился Семен Семенович. – Трупы, если бы были живы, не пожелали бы предстать перед публикой в таком неприличном виде.

Нике, едва она отошла от шока и приобрела способность видеть и слышать, стало неловко пялиться на убитых, которых смерть застала в самый неподходящий момент. Один из мужчин лежал на спине с простреленной головой. Но не это ее смутило, а спущенные брюки и то, что Семен Семенович назвал милым другом. Второй лежал на животе, с голым задом и с простреленной спиной. Ника постеснялась спросить, почему трупы в таком виде, а Валдис не постеснялся:

– А чего это они со спущенными штанами?

– До ветру отошли, – хихикнул второй опер. – Или совокуплялись друг с дружкой. Хе-хе...

– Пойдем лучше к первому, – недовольно бросил Семен Семенович. – Он лежит на солнце, к тому же подмочен. Кстати, кто-нибудь вызовите машину, чтоб трупы перевезли.

– Уже вызвали, – сказал Платон.

Ника поплелась за всеми, мысленно хваля себя за стойкость, хотя тошнота время от времени накатывала. Что у нее за натура?! Все люди как люди, одна она в обмороки от вида кровищи падает. Даже девчонки, которые нашли труп, не умерли на месте. Слушая описание обстановки, в какой найден первый труп, а потом и описание мужчины под кличкой Красавчик, она осматривала окрестности и вдруг заметила в траве у самой кромки воды что-то ярко-бирюзовое.

– Сократ Викентьевич! – позвала Ника. – Посмотрите.

Он поднял лифчик, без сомнения, от купальника.

– Это фирменный купальник, – с ходу определила Ника. – Дорогой.

– Только неизвестно, кто его оставил и когда, – сказал Сократ Викентьевич. – Не факт же, что бюстгалтер принадлежал женщине, прибывшей вместе с убитыми? Но если ты хочешь, приобщим его к делу.

– Хочу. А кстати, как они сюда добрались?

– Разумеется, на колесах. Далековато на своих двоих добираться. Да и ездят сюда для отдыха, подтверждение тому – сгоревшие шашлыки, которые они не успели съесть. Чтобы везти с собой столик, коробки с едой и выпивкой – надо иметь транспорт. Ребята показали, что и где лежало, когда они приехали, здесь, кажется, неплохо погуляли. Или собирались погулять, причем долго, о чем говорит количество спиртного. Но что любопытно, столик и коробки с провизией раздавлены. Их давили колесами автомобиля.

– В таком случае где машина?

– На ней уехал тот, кто положил троицу, – рассматривая часть купальника, сказал Сократ Викентьевич.

– Значит, они приехали сюда с убийцей, – сделала вывод Ника. – Приехали, расположились, а он их из пистолета...

– Возможно, возникла крупная ссора...

– Нет, – отказалась от этой версии Ника. – Мы нашли резиновую змейку во рту Красавчика. Точно такую же, как у Канарина в руке.

– Во рту? – захлопал глазами Сократ Викентьевич. – Странно. Во рту! Кляп изо рта трупа нам приходилось вынимать, но резиновые игрушки... Странно. Смотри, Никуля, в застёжке волосики застряли.

По небольшому клочку можно было определить, что волосы принадлежали блондинке, но не факт, что владелица купальника приехала сюда с убитыми.

6

В это же время Клара слонялась по квартире потерянная, будто ей сообщили о внезапной кончине родной сестры. Она то кофе пила, не прекращая хождений, то сигарету курила, то произносила одну и ту же фразу:

– Да нет, это ошибка.

Ошибка – первое, что пришло ей на ум, оставшись на время единственным объяснением случившегося. Логика не включалась, поэтому Клара не способна была сопоставлять и анализировать факты довольно долго. Ей казалась невозможной смерть Красавчика от руки убийцы. Да кому он нужен! И снова она повторяла:

– Нет, это ошибка.

Но отчего-то не проходила дрожь, откуда-то из глубины подсознания просачивалась в душу тревога, которая мешала рассуждать. А тут Роменская ни разу не взяла трубку – это что? Но есть еще один номер, запасной – на крайний случай. Не это ли тот самый, крайний, случай? Она решила пока не звонить по запасному, бывало, Инесса не брала трубу, потом рывкала:

– Трахалась я. Имею право.

Может, и сейчас она в постели с мужиком? Эту лошадь удовлетворить способен только неутомимый конь. Но не сутками же напролет трахаться!

Клара бухнулась на диван, еще раз позвонила Роменской – результат ноль. Она закрыла глаза, чтобы отключить эмоции и сосредоточиться. В подобных ситуациях помогает медитация, но не Кларе, у нее слова вылетают сами по себе, а мысли далеки от медитирования.

– Спокойно, спокойно... – проямлила она, для пущей верности прикрыв глаза ладонью. – Я-то чего всполошилась? Допустим, Красавчик убит... Да нет, не может быть! – И подскочила, взялась за сигарету. – Просто его мобилу украли, или он одолжил ее, или отдал таким же придуркам, чтобы те подшутили надо мной... Он так никогда не делал. Он, вообще, шутить не умеет, потому что у него мозги заплывли спермой. Тогда это не шутка и со мной говорил мент. Как же узнать правду?... Имя у него необычное... Валлис... Виллис... Валдис! Да, Валдис.

Клара взяла трубку обычного телефона, набрала номер милиции:

– Будьте добры, скажите номер уголовного розыска.

– А кто конкретно вам нужен?

– Все равно. Дежурный, например, или тот, кто принимает звонки.

Номер дали, Клара его записала и набрала.

– Здравствуйте, это уголовный розыск?

– Да.

– Мне нужен Валдис...

– Его нет, он на выезде.

– Простите, на каком выезде?

– На происшествии.

Итак, Валдис существует, работает в уголовном розыске, сейчас он на происшествии, а происшествие – убийство Красавчика.

– О боже! – Клара закрыла лицо ладонями, потрясла головой. – Но как? Почему? Кто?

Это естественные вопросы, когда страх за собственную жизнь затмевает все вокруг, даже перспективу на будущее в лице Мартына. И страх обоснованный. От ужасающей мысли Клара подскочила как ужаленная. Крайний случай наступил. Она набрала номер, вскоре услышала «алло», произнесенное хорошо поставленным голосом. Голос этого человека поставили не педагоги вокала, а его положение.

– Это Клара, – сказала она. Ей стало противно от своей заискивающей интонации, а оттого, что в трубке молчали, стало еще противнее. Он молчал потому, что Клара в его

представлении вошь, на которую не стоит тратить. Пришлось продолжить: – Я звонила два дня Фалееву, он не отвечал, а сегодня со мной говорил некий Валдис из уголовного розыска с трубки Виктора. Сказал, что он убит на берегу протоки, и спросил, когда мне удобно прийти в прокуратуру.

– Почему ты позвонила мне?

Клара опешила, потому не сразу сообразила, что сказать:

– Роменская не отвечает на мои звонки... А информация, как мне показалось, важная...

– Проверим.

– Извините, а мне что делать? Виктор должен был работать со мной... Как же теперь быть?

– Соединись с Роменской, а лучше найди ее и обсуди кандидатуру.

– А Красавчик? То есть Виктор?

– Проверим.

Клара бросила трубку и зло процедила:

– Тупица! Ну ладно, пусть проверяет, осел.

И еще раз позвонила Роменской – молчок. Клара засобиралась. Поедет к ней, но если эта шлюха не отвечала потому, что у нее кобель, Клара из нее... Ничего не сделает, а будет лебезить, правда, меньше, чем только что. Такова реальность, от которой пора бежать далеко и насовсем.

Описав в протоколе положение третьего трупа с насквозь простреленным туловищем, его перевернули на спину. По окровавленному лицу и груди бегали потревоженные муравьи и какие-то букашки, Ника отвела глаза в сторону, Семен Семенович потребовал:

– Сигарету мне.

Оперативник оторвался от протокола, достал из пачки сигарету, вставил ее в рот Семеныча, щелкнул зажигалкой и спросил с готовностью:

– Что писать?

– погоди, – с наслаждением затягиваясь, бросил Семен Семенович, стоя над убитым. Он, ворчавший все время, что три трупа за один раз – это много, не торопился покончить с делом. – Сократ Викентьевич, тебе ничего не кажется необычным?

– Что именно тебя взволновало? – осведомился тот, глядя на труп с непониманием.

– Меня волнует только то, что я вынужден проторчать весь день здесь, а мы с женой собрались покупать мягкую мебель. Но это отступление. Итак, выстрелы произведены из рощи и с близкого расстояния. – Сократ Викентьевич согласно кивнул. – В каком положении находился первый труп из этой пары, когда получил пулю?

– Лежа, – без паузы ответил Сократ Викентьевич. – Не понимаю тебя. Ты что, сам не видишь?

– Я уточняю, чтобы не ошибиться. Значит, он не сидел спиной к роще?

– Исключено.

– Как ты определил, что стреляли с близкого расстояния?

– Обижаешь, – надулся Сократ Викентьевич. – Зайди в рощу, сразу поймешь, что надо подойти очень близко и отодвинуть ветки, чтобы увидеть лежащего человека. Если б он сидел, то в темя попасть было бы невозможно, только в затылок.

Семен Семенович не брался за сигарету, она тлела в углу рта, оставляя длинный столбик пепла. Но вот пепел упал, и Платон сделал замечание:

– Пепел упал на труп.

– Ну и хрен с ним. – Семен Семенович выплюнул окурочек, опустил глаза. – Что-то в положении этих тел необычно... Смотрите: второй убитый, судя по входному и выходному отвер-

ствиям, находился лицом к роще. Пуля прошла его под углом и вышла ниже входного отверстия.

– Значит, вошла под углом? – переспросил Валдис, отошел к роще, прицелился воображаемым пистолетом. – Тогда этот труп стоял на коленях.

– Вот! – радостно воскликнул Семен Семенович.

– Голубчик, что ж ты так кричишь? – схватился за сердце Сократ Викентьевич, притом оставаясь спокойным. – Насмерть перепугал, ей-богу.

Но Семен Семенович, не обратив внимания на пожилого криминалиста, в необъяснимом ажиотаже произнес:

– Первый из этой пары лежал на спине головой к роще, а второй стоял на коленях лицом к той же роще. Оба вытащили свои мужские достоинства. Что они делали?

– Совокуплялись друг с другом, гы-гы-гы, – заржал составляющий протокол опер, хотя во время диалога он не писал, а слушал.

– Ну, допустим, – недовольно махнул рукой Семен Семенович. – А теперь посмотрите. Пуля попала в район сердца, следовательно, ранение было смертельное. При таком ранении он не способен был двигаться и упал плашмя, так?

– Ну да. Совершенно верно, – ответили ему вразнобой, не понимая, к чему он клонит.

– Почему у него не только грудь, но и шея, все лицо, даже волосы на лбу и с боков в крови?

Все перевели глаза на труп. Действительно, его будто окунули в кровь.

– Кровь растеклась по земле... – начал Платон, но его перебил Семен:

– Где признаки того, что под ним растеклась лужа, в которой он плавал? Земля здесь рыхлая, влажная, наверняка впитала кровь моментально. К тому же поросла травой, которая затруднила бы растекание крови. А в районе его лица кровью выпачкана только трава, земля ею не пропитана. Но у него все лицо в крови. И грудь выше пули. И шея. Лежало лицо на боку, когда мы его нашли. Ответьте, почему оно у него и с этой стороны, обращенной к небу, в крови?

– А правда, почему? – подала голос Ника.

– Я потому и спрашиваю, что не знаю, – вздохнул Семен Семенович. – Надо провести скрупулезные исследования вещей, одежды и трупов. Ты чего стоишь? – рявкнул он на опера с протоколом.

– А что писать? – поднял тот плечи.

– Диктую...

Трущобы. Иначе не скажешь. По этим колдобинам ходить нельзя, не то что ехать. Когда же льет дождь, улицы вообще превращаются в топь. Клара посещать трущобы не любила, это было своего рода напоминание, в каких скотских условиях она сама когда-то жила. Двухкомнатная хрущевка, в ней сидели друг у друга на головах пять человек, называлась уважительно – «крыша над головой». Некоторые и этого не имели.

Частный сектор, где жила Роменская, застраиваться начал при царе Горохе, домики, а то и натуральные сакли прилепились друг к другу, будто без посторонней поддержки не устоят и рухнут. Клара давно перестала удивляться неприязнательности Роменской, а положение у нее было выше, значит, денег больше. Но всему есть объяснение: Роменская – любительница выпить, хоть в компании, хоть в одиночестве – бутылка всегда при ней. Ну а чтобы налакаться такой туше, надо много выпить – она и ростом ого-го, и объемом не Дюймовочка. Короче, Инесса шла семимильными шагами к алкоголизму. При всем при том Роменская обо-жает наряды, любовников покупает, о том, сколько она ест, можно не говорить, любовь к чревоугодию по ее фигуре видна.

Клара остановила машину у дома, напоминавшего далеко не графские развалины, а заброшенную хату, куда по ночам приходят ведьмы и привидения. Заглянув через низкий дощатый забор, она увидела машину Роменской, представляющую ее единственную ценность

и не отличающуюся шиком, значит, Инесса дома. Клара вошла во двор, в котором развернуться было негде, в палисаднике росли чахлые цветочки, которые наверняка забывали поливать. Звонок не предусмотрен, дверь, когда Роменская бывает дома, всегда открыта.

В прихожей было мало света, Клара задела бедром не какой-то предмет интерьера, а самое обыкновенное ведро! Она уже забыла, для каких целей держат алюминиевые ведра, но в этом доме ей напомнят. И про ведра, и про туалет на улице, и про дистанцию между ними – все напомнят. Ведро со звоном упало с табуретки, хорошо хоть пустое, а не с помоями. Клара ругнулась и открыла дверь в комнату.

Темно. Шторы плотно закрыты, настольная лампа горит, видимо, с вечера. Внутри дома обстановка приличная, не рухлядь, модная мебель, хотя и недорогая, обои, ковры, хрусталь. При всей любви к выпивке Роменская помешана на блеске, она и украшения покупала с камешками, чтобы блестели. Но одно неизменно и вечно в этом доме – беспорядок.

Клара прошла к окну и раздвинула шторы – в этой комнате Роменской не было. Она перевела взгляд на проем, ведущий во вторую комнату – такую же темную. И заметила вытянутые ноги. Все ясно: напилась подружка и спит мертвецким сном.

– Инесса! – позвала ее Клара.

Но рассчитывать, что Роменская, проснувшись, подскочит и примется хлопотать вокруг гостыи, не стоило. Тут надо вести себя осторожно, чтобы в тебя не запустили чем попало. Однако Клара была слишком зла на пьянчужку, посему, пренебрегая всяческой осторожностью, двинула в следующую комнату, громко ворча:

– Извини, но у меня спешное дело. Сегодня меня оглоушили. Звоню на сотовый Красавчику Вите, а мне говорят, будто он на берегу протоки убит...

За время монолога Клара раздвинула шторы на двух окнах, повернулась к креслу, в котором возлежала Роменская, и шарахнулась назад, врезавшись в стенку спиной. Она продолжала вжиматься в нее, словно надеялась просочиться сквозь стену, дрожа от ужаса и не понимая, почему он возник.

Роменская действительно развалилась в кресле, но не была пьяной и не спала. Ее бессмысленно-тупой взгляд, направленный в никуда, Клара изучала несколько секунд, гадая, почему Роменская не моргает. Именно раскрытые глаза напугали Клару своим дьявольским выражением, будто смотрела Инесса откуда-то из небытия. И еще лицо ее казалось мертвенно-бледным, такого цвета Клара никогда не видела у нее. Голова Роменской нелепо свесилась набок, половину лица закрыли черные волосы. Что еще? Поза... И вдруг Клара сообразила, почему ее в первый же момент, когда она увидела Роменскую, охватил ужас, – Инесса мертва.

– Допилась, – почти неслышно вымолвила Клара, идя к ней и глядя в потусторонние глаза, казавшиеся теперь страдальческими, словно в преисподней черти терзали ее душу (если только у Роменской была душа).

Приближалась Клара несмело, потому что с покойницей наедине, к тому же в ее доме, где никого нет, живой Кларе стало не по себе. Остановившись в метре с лишком от покойницы, она чуть подалась вперед и, чтобы рассмотреть Роменскую, наклонилась к ней. Неизвестно, для чего ей это понадобилось, может, хотела позлорадствовать над преждевременной кончиной Инессы, ведь сочувствия к этой женщине у Клары не возникло.

И вдруг она снова попятилась: у ног покойницы Клара увидела пистолет. Как раз под правой рукой. Значит, Инесса... Боясь прикоснуться к ней, Клара искала на лице следы крови, но висок закрыли густые черные волосы. Все же кровь она нашла, когда внимательно и холодно осмотрела труп. Кровь была и на ковре, и на кресле, обитом темной тканью, и на полу, и на плече покойной.

Больше Клара не смогла оставаться в доме, ринулась на улицу, прыгнула в автомобиль и, с трудом преодолевая неровную дорогу, выехала из района трущоб. Клара остановилась на

обочине, взяла телефон. Это же крайний случай. Он всегда брал трубку после третьего гудка, Клара залепетала, чтобы не рассердить его:

– Прошу простить меня, я только что от Инессы... Должна вас огорчить...

– Короче, – протяжно промычал он.

А Клара живо представила Бамбу, примечательностью которого была и есть его рожа. Внешне он – обычный, но глаза табачного цвета, когда смотришь в них, излучают все пороки, известные человечеству. И главный из них – безразличие к живому созданию, будь то кошка, человек или комар. Он даже не жестокий, потому что жестокость входит в арсенал страстей, он бесстрастный. И пороки в нем живут не как нечто раскрепощающее, дающее ему ощущение власти и силы, ощущение жизни, а потому, что они – его скудное развлечение.

– Да, конечно, – заторопилась Клара. – Инесса застрелилась.

– Понятно.

– А мне что делать? У меня сложный случай, я надеялась на Фалеева...

– Проблему решим. Все.

И отключился. Хам. Свинья. Скотина. Клара в сердцах бросила трубку рядом с собой и повела машину к своему дому. Не помешает прилечь на диванчик, выпить чего-нибудь крепкого и до вечера поспать. Хотя до вечера не так уж много времени. Однако снять стресс необходимо. Но образ Роменской просто преследовал Клару, эти глаза...

– Дура, – высказалась Клара о ней. – Стреляться? Ну уж не...

Она резко затормозила, в нее чуть не врезался сзади автомобилист, но вовремя крутанул руль, проехал мимо, крикнув:

– С больной головой за руль не садятся.

Клара подкатила к обочине, не имея сил ехать дальше, заглушила мотор и замерла, держась за руль, как за спасательный круг.

– Пистолет лежал под правой рукой, – сглотнув комок ужаса, пробормотала Клара. – Но Роменская левша...

7

Платон доставил домой Нику, вышел из машины, открыл дверцу, выскочил и Валдис. Они стояли на тротуаре, как три сосны в степи, минуты две. Пока Ника, чувствуя неловкость, которой близко не наблюдалось в Платоне и Валдисе, напротив, их обоих тешило соперничество, не произнесла:

– Вообще-то я уже дома... – И намекнула, что пора разбежаться в разные стороны: – Есть хочется...

– Так давай где-нибудь поси...

Платон и Валдис осеклись, ибо начали фразу в унисон и слово в слово, покосились друг на друга. Ника в уме закончила фразу и ответила:

– Мы же устали...

– Я не знаю, что ты называешь усталостью, я с ней незнаком, – пробурчал хмуро Валдис и взглянул на часы. – Кстати, об усталости. Пойду отдыхать в бар, в который должен прийти мой игрок под номером шесть.

– Ах, да... – вспомнила Ника без радости, так как упоминание о «шестерке», давшем обещание принести сведения о Канарине, грозило продолжением работы. Она действительно устала, просто измаялась возле трупов. – Я совсем забыла. Подожди, переоденусь и пойду с тобой.

– Мы подождем, – заверил Платон.

– И ты пойдешь? – вытаращился Валдис, потом оба уставились в спину Ники, убегавшей по дорожке к особняку.

– Разумеется, – сказал Платон. – Ника под моим патронатом.

– Не повезло мне, – хмыкнул Валдис.

Клара предложила поужинать в «Овражке», расхвалила обслуживание и кухню, Эля соблазнила, она была большая любительница поесть. Расположились за столиком, причем Эля трещала без умолку, читая меню:

– Я возьму только мясо. Без гарнира. И салат. На ночь желательно не есть, но у меня аппетит просыпается к вечеру, ничего не могу с собой поделат. Мясо хоть не калорийное, если его правильно приготовить. Я люблю готовить, потому что обожаю поесть. Никаких кухарок дома не терплю, рецепты собираю...

И ничего-то в ней нет особенного – по мнению Клары, – а до безразмерной коровы Элечке с ее аппетитом осталось пару лет. Ну, мордаха у нее славная, деревенская, она неглупа, умеет держать себя в рамках, а в совокупности – телка. Обычная телка, которой потрясюще повезло заарканить состоятельного мужика. Впрочем, сегодня Клару занимала не Эля, а те странности, которым она не могла дать объяснения, но искала его, потому и не слушала подружку.

Клара припомнила, как Красавчик говорил о месте пикника на природе. Протока и есть природа, значит, он приехал туда, а его... Но кто и как? С ним должны были быть двое, они-то куда смотрели? Не могла же его пришить белая выдра с мозгами курицы, в самом-то деле! Непонятная ситуация. А что с Роменской произошло? Может, она в алкогольном угаре выстрелила себе в висок левой рукой, а пистолет каким-то образом упал под правую руку? Нет-нет. Голова свесилась на левое плечо, кровь была тоже слева... Фу, как Клара сразу не заметила столько кровищи? Выстрел был сделан в правый висок, значит, она стреляла правой? Левша? Даже в состоянии опьянения Роменская не могла перепутать руки, она же действовала автоматически...

От прикосновения к ладони Клара вздрогнула.

– Ты что? – с недоумением глядя на нее, спросила Эля. – У тебя неприятности? Ты какая-то не такая.

– Нет, у меня все отлично, – рассмеялась Клара. – Просто день сегодня трудноватый, я устала чертовски. Давай выпьем?

– Это я и предлагала, но ты задумалась. – Чокнулись, выпили по глотку. – А вино неплохое, правда?

Подарив улыбку подруге, Клара забежала по залу глазами, не видя вокруг красавчиков, от которых у баб крышу сносит. Сколько еще предстоит водить на поводке Элю, подстраиваться под ее увлечения и вкусы, быть ей интересной? А эта с виду деревенская деваха, одетая дорого, но слишком просто, без лоска, оказывается, интеллектуалка, читает запоем книжки. И не какие-нибудь, а любит, например, Макса Фриша! Кто этот Фриш, что он написал, где она его откопала – Клара диву давалась. Зато Эля час могла рассказывать о Фрише, о его образном стиле – ужас! Оставалось только кивать с умным видом, не читать же всякую лабуду.

К Эле подошел официант и передал записку. Клара не придавала этому значения ввиду того, что поняла: записка от очередного Красавчика, который пошел на абордаж. Украдкой она изучала зал – где же он?

Эля развернула листок из записной книжки, прочла:

«Вы и ваша семья в опасности. Остерегайтесь Клары. Мужчины, которые знакомятся с вами, подсланы ею».

На белых щеках Эли выступил румянец волнения, она и растерялась, и удивилась одновременно, подняла изучающие глаза на Клару.

– От кого послание? – улыбнулась та, пригубив вино.

– Да так... – натянула улыбку и Эля.

– У тебя есть тайны от меня, своей подруги?

– Вовсе нет, – ступсывалась Эля, лихорадочно складывая записку. – Ну, хорошо, признаюсь. Есть один тип, он преследует меня... Не хочу об этом говорить, он мне неприятен, его преследования надоели. – И положила записку в сумочку, а чтобы Клара не просила показать ее, затараторила, взяв бокал: – Представь, и ко мне цепляются. К толстой и некрасивой.

– По-моему, ты чересчур строга к себе...

– Нет-нет, – запротестовала Эля. – Я считаю своим достоинством умение смотреть на себя со стороны. Знаешь, отчего многие женщины становятся неудачницами и злюками? Из-за неверной самооценки. Ей кажется, она особенная, достойна самого лучшего, что есть в мире, такую женщину не удовлетворит простое семейное счастье, хороший муж и дети, ей этого будет мало.

Эля говорила, не сводя с подруги глаз, а думала о записке. Кто ее написал и почему? Собственно, почему – написано достаточно четко, Элю предостерегают. Вопрос в другом: насколько верна информация в анонимке и чем способна навредить ей Клара? Глагол «навредить» пульсировал в висках Эли. А что еще хочет сделать Клара, подсылая к ней молодых людей? Но это не вязалось с подругой – обаятельной, милой, светской.

Они познакомились полгода назад случайно... Так ли уж случайно? Эля гуляла с собакой и сыном в парке, на скамейку под села Клара, разговорились и стали подругами. Потом они постоянно созванивались, иногда проводили вечера вместе где-нибудь в ресторане или у Эли дома, ходили в сауну. Клара понравилась ей бесхитростной простотой, манерой общаться, а советы подруги не раз ее выручали. Однажды надо было поехать с мужем на вечер, чего Эля, предпочитая домашнюю обстановку, не любила. Среди важных мужчин и глупых женщин ей было скучно, но ничего не поделаешь. Возник вопрос: во что одеться, чтобы на нее не косились все эти снобы и не посмеивались над ней? Клара потратила целый день, сама возила подругу по магазинам, в результате Эля сразила наповал если не всех, то большинство присутствующих. Она радовалась, обретя в лице Клары друга и советчика.

Эля на вид казалась флегматичной, но это оттого, что она никогда не бросалась в крайности, а, принимая решения, взвешивала и обдумывала каждый свой шаг. И сейчас, после записки, озадачившей и взвинтившей ее, она искала в Кларе черты, которых раньше не замечала в силу своей доверчивости. В первую очередь объектом наблюдения она избрала лицо Клары. На нем была заметна неискренняя улыбка, бегающие и колкие глаза, которые, встречаясь с глазами Эли, опускались, словно Клара боялась, что подруга прочтет ее тайные мысли. Потом Эля обратила внимание на фигуру, но не с точки зрения эстетики. Напряженная поза, зажатая шея, движения резкие и внезапные. Наконец, руки. Они все время были в движении, Клара явно нервничала, а ведь подруги пришли сюда расслабиться, мирно поболтать, отдохнуть от дневных забот. Но пальцы Клары все время что-то хватали – то вилку, то бокал, то салфетку. Если она не хватала предметы, то постукивала пальцами по столу, потирала их друг о друга, будто пальцам чего-то не хватало. А мелкие и суетливые движения характеризуют беспокойное состояние или неискренность.

– Хм, – улыбнулась Клара, на ее лбу нервно запрыгали брови. – Ты странно на меня смотришь, будто изучаешь.

– Только сейчас заметила... – Эля намеренно тянула паузу, Клара напряглась. – Ты очень красивая. Правда, правда.

И смех у Клары был истеричный, вымученный. «Что все это значит? – озадачилась Эля. – Просто так, шутки ради, записки с таким содержанием не присылают. Кто-то за нами следит, возможно, давно. Не за нами. А за Кларой. Этот человек хорошо знает ее, предупредил меня. Но о чем? Что она мне сделает? Тем более моей семье? Я должна все выяснить...»

К столику подошел молодой человек лет тридцати, Клара его видела впервые, наверняка он из новеньких, но уже проверенных. Про себя она отметила: отпадный. Высокий, красивый, в белом костюме – у Эли запросто снесет крышу, перед таким белым лебедем вряд ли устоит эта недотрога.

– Разрешите вас пригласить?

Эля подняла на него глаза – вот и подтверждение записки. Между прочим, с ней часто знакомились мужчины, когда она бывала с Кларой в ресторанах или ночных клубах. Значит, написана правда.

Она пошла с ним танцевать, искоса заметив, что подруга довольна. Главной темой ее мыслей стало: зачем Клара это делает, чего добивается? Элю трясло. Она, как нормальная женщина, ощутившая опасность, хотела ясности.

– Вы дрожите? – спросил белый кавалер, слегка отстранившись и заглядывая зелеными глазами в лицо Эли.

– Не люблю кондиционеров. Вам не кажется, что еще рано создавать прохладу в помещениях?

– Я попрошу, чтобы их отключили. Как вас зовут?

– Эльвира.

– А меня Ричард.

– Красиво, – улыбнулась Эля.

Пусть думают, что все идет по их плану. Эля, как всегда, решила не торопиться, обдумать дома, что означает предупреждение в записке, и понаблюдать за Кларой. Потом был еще один танец с белым Ричардом, затем он попросил разрешения присоединиться к ним, заказал дорогое вино, оказывал знаки внимания обоим женщинам, но в особенности Эле. Когда он вышел покурить, Клара подалась к подруге и заговорщицки захихикала:

– По-моему, этот красавец тащится от тебя. А ты говорила: толстая и некрасивая. Вот увидишь, он назначит тебе свидание, или я не знаю мужиков.

– Но у меня муж... – сказала Эля.

– Да кто мешает тебе иметь мужа и почувствовать себя немножко королевой? Поверь, женщине это необходимо, она расцветает, в результате влюбляет в себя и мужа. Скажи, только откровенно, у вас притупились страсти?

– Ну, в общем-то да... – солгала Эля и потупилась.

Слишком очевидно было желание Клары толкнуть ее в объятия сладкого красавца. Нет, в постель к нему. Зачем?! Это не поддавалось разумному объяснению.

И он назначил свидание Эле прямо на завтра. Эля некоторое время колебалась, потом согласилась, но не завтра, а в среду. Надо выяснить – зачем им она, стало быть, придется хитрить. Эля отказалась от услуг подружки и взяла такси, тем самым дала возможность двум заговорщикам обсудить победу. Да, только так, а она тоже подумает, как ей быть.

Проводив Элю, Клара предложила Ричарду, или как его там зовут, – не важно:

– Подвезти тебя?

– Не стоит, – отказался он.

– Найди Фриша.

– А что это?

– Писатель, – фыркнула Клара. Она презирала всех этих мальчиков, которые научились лишь баб трахать, а каких именно – им без разницы. – Сходи в библиотеку, возьми Макса Фриша. Еще Камю с чумой... Да, кажется, так. И... эту... Марию Ремарк, она тоже чего-то там настрочила.

– Зачем? – ухмыльнулся он.

– Чтоб поразить Элю интеллектом! – гаркнула Клара. Как же ей надоело воспитывать идиотов. – Выучи наизусть несколько абзацев из разных книг, и она упадет к твоим ногам. Эля разбирается в литературе, ты обязан ее забить. Много не базарь, пусть она говорит.

– Думаете, нам понадобится литература?

Клара окатила его жалостливым взглядом, но воздержалась от замечаний, лишь сказала:

– Делай, что говорю. И посмотри фильмы... Ой, господи, голова уже не варит. Фильмы Кусто Рицы, по-моему.

– Кустурицы, – поправил он.

– Ты знаешь его? – удивилась Клара.

– Так это же модный режиссер.

– Тем лучше. Действуй как на минном поле – осторожно. Фильтруй слова, она не дура. До среды у тебя достаточно времени, так что потрудишься.

Клара села в машину, посмотрела на часы – всего-то начало одиннадцатого. Позвонила Мартыну:

– Привет, не спишь?.. Я? Отвезла подругу, еду домой... Хорошо, приезжай, буду ждать.

В баре народу было больше, чем в прошлый раз, и толкотня стояла дикая. Разумеется, чересчур громкое музыкальное сопровождение вообще нелегко воспринимать, а после тяжелого рабочего дня вдвойне тяжелей. При всем при том Ника клевала носом или бессмысленно таращила глаза. «Шестерка» появился, когда у троицы запас сил иссяк и они собрались уходить.

– Сам с ним потолкую, – встал Валдис.

На этот раз он и «шестерка» не стали выходить, устроились у стойки бара.

– Я уже пьяная, – сказала Ника, точнее, крикнула.

– Мама с папой будут ругаться? – поддел ее Платон.

– Вроде того.

Ника уже не в состоянии была обижаться, она думала о кровати, куда уложит свои уставшие косточки. Вдруг к ним подошли два парня, эдаких два расхлябанных пацана, далеко не

хлипких, с круглыми мордами, по которым легко определялось, что намерения у них далеки от добрых. Один положил на столик лапы, наклонился к Нике, напялил улыбочку:

– Девочке скучно?

В слове «скучно» он выделил букву «ч». Ника съежилась, взглянула на Платона, тот свел брови к переносице, опустил глаза и поджал губы.

– Весело. – Она на всякий случай изобразила улыбку.

– Пошли? – кивнул в сторону пристава.

– Куда? – округлила она глаза.

– К нам. Наша компашка повеселей.

– Нет, спасибо...

Но он схватил Нику лапищей выше локтя, приподнял ее, как перышко, она ойкнула от боли, а от его наглости озверела:

– Ну ты! Пусти!..

– А че ты ерепенишься? – агрессивно гаркнул второй. – Не нравимся?

Первый тянул Нику, у нее, естественно, не хватило сил вырваться. И тут Платон подскочил и заехал ему кулаком по роже. Пристава отпустил девушку, после чего оба качка накинулись на Платона, Ника завизжала:

– Валдис!

Да кто же услышит в таком шуме! Ника успела лишь моргнуть, а драка шла уже полным ходом. И как в таких случаях бывает, те, кто танцевал, подключились к дерущимся, потому что кого-то толкнули – он решил дать сдачи, а кто-то просто так, размяться захотел. Под шумок Нику схватил второй пацан из пристава, чего ему надо – он, видно, и сам не знал. Она не растерялась, выплеснула ему в лицо остатки коктейля, он ударил ее по лицу...

– О, началась потасовка, – хмыкнул «шестерка».

Валдис повернул голову и слетел со стула. Бугая, который тискал Нику, он сцапал за жилет, оторвал от девушки и пустил в свободный полет.

– Там Платон! – крикнула Ника.

Валдис понял, ринулся в гущу дерущихся.

Набежали менты, всех без разбора похватали, заломили руки... Потом пришлось долго им доказывать, кто есть кто, они не хотели смотреть удостоверения, но в конце концов отпустили троих...

Ника пробиралась в свою комнату на цыпочках, однако отец не спал:

– Ника, где ты была?

– Задержалась по работе, – опустив голову, пробежала она мимо него. А в комнате, раздеваясь, ворчала: – Я взрослая женщина, следовательно, а боюсь родителей. Все, решено: уйду на квартиру.

Завалившись на кровать, она мигом забыла приключение.

8

В понедельник Владимир Васильевич, читая протокол с места убийства, строго поглядывал на Платона и молчал все время, пока молодой следователь дополнительно и обстоятельно рассказывал о находках на берегу протоки. Иногда Владимир Васильевич поглядывал на часы, вздыхал, что было красноречивее всех слов: Ника свет Григорьевна еще не соизволила явиться на работу.

– Что у тебя с лицом? – наконец спросил он.

– Наступил на банановую корку, – нахмурился Платон.

Владимир Васильевич вытянул губы трубочкой, переворачивал листы и сопел, сдерживая гнев. А трудно сдержаться, когда тебе врут, будто ты сопливый пацан.

– Можно? – заглянул Валдис. – У меня...

– Заходи, – процедил зампрокурора, увидев еще одну нещадно побитую рожу, и спросил: – Где это тебя так?

– М-м-м...

Валдис не успел ответить, влетела Ника:

– Можно? Извините, я опоздала... Больше не буду.

Владимир Васильевич чуть не взвыл. И чуть не запустил в наглецов протоколом. Явилась! «Больше не буду»! Ну какой из этой фитюльки следователь? Прилепить бы ей бантики да отправить в детсад на горшок. Терпеть он не может молодежь. Не из-за молодости, нет, а потому, что толку от них ноль. Раньше в основе работы следователя лежал величайший смысл: призвание! А сейчас что? Престиж, хорошая зарплата, которая могла бы быть и выше, связи. Но дела-то нет.

– А у тебя что с лицом? – поинтересовался он.

– Упала... Неудачно... – начала неумело врать Ника.

– На банановую корку наступила? – подсказал он.

– Ну... кажется...

– Вы с Платоном Сергеевичем по одним банановым коркам ходите? – рассвирепел Владимир Васильевич. – Ах да, с Валдисом тоже. Где вас учили врать? Мне известно, что это за корки.

– Раз известно, зачем спрашиваете? – нашелся смельчак в лице Валдиса.

– Молчать! – рявкнул Владимир Васильевич. – Устроили драку, как какие-то отморозки! И кто!!! Следователи! Опер! Позор! Такого на моей памяти еще не было.

– Нам что, следовало по стойке «смирно» стоять, когда нас били? – вспыхнул Валдис.

– Ты как разговариваешь? – грозно прогремел Владимир Васильевич. – Совсем распустились! Вы не должны были допустить драки, понятно?

– Понятно, – сказал Платон тоном покорного мальчика, чтобы снять накал.

– Что за история со змеями? – Владимир Васильевич не подобрел.

– Это не змеи, – робко сказала Ника. – Резиновые змейки. Игрушечные...

Под уничтожающим взглядом зампрокурора она предпочла не продолжать. Владимир Васильевич, переведя свирепые очи на Платона, потребовал ответа:

– И что, что с этими игрушками?

– Мы, – начал Платон, – нашли в руке Канарина резиновую змейку. А в субботу из рта убитого Красавчика Семен Семенович вытащил точно такую же. Я не сомневаюсь, что это убийца засунул ему в рот игрушку.

– Что за Красавчик? – поинтересовался зам.

– Так назвала его женщина по имени Клара, когда я разговаривал с ней по телефону, – ответил Валдис. – Она позвонила ему на мобильник. Кстати, сделала много звонков и в субботу, и в предыдущий день.

– Личность Клары установили?

– Пока нет, – сказал Платон. – Вчера был выходной...

– У следователя во время расследования преступлений выходных не бывает! – рявкнул Владимир Васильевич, побагровев. У него и так смуглый цвет кожи, а когда зам багровеет, становится черным. – Дорог каждый час. Каждый свидетель может внести неоценимый вклад в расследование.

– Извините, я считаю... – встряла Ника и откашлялась, так как в горле запершило от страха перед начальником.

– И что же вы там считаете?

Он смотрел на нее исподлобья, Ника опустила глаза, быстро, не делая пауз, чтобы зам-прокурора не перебил, выпалила:

– Змейки дают нам право предполагать, что убийства совершены одним и тем же лицом, поэтому, я считаю, надо дела объединить... кхм!.. кхм!.. в одно.

Владимир Васильевич скрестил руки на груди и внезапно подобрел:

– Объединяйте. И выясняйте, кто такая Клара. Вы обязаны найти и опросить всех лиц, кто внесен в мобильник Красавчика. Ступайте.

– Владимир Васильевич, – поднимаясь, обратился к нему Валдис, – есть еще одно похожее дело. Нашли труп женщины, вроде как самоубийство, но рядом с ней тоже лежала резиновая змейка. Ребята позвонили, они сейчас там.

– Ну и поезжайте.

Он проследил, как побитая тройка вышла из кабинета, после этого развалился в кресле, хмыкнул. Завалятся – как пить дать, если только Валдис не вытащит двух бездарей. Впрочем, не вытащит. У этих двоих самомнение хлещет через край, они будут учиться на своих ошибках. Владимир Васильевич обдумывал, кого назначить вместо Ники и Платона.

– Пойду посоветуюсь с прокурором, – сказал вслух.

В это же время, торопливо стуча каблучками, Ника делилась впечатлениями:

– Я думала, он меня съест. Как удав смотрел! Я его боюсь, честное слово. А потом согласился со мной... С чего бы это?

– Он предскажем: гадость приготовил, – сделал вывод Валдис.

– Какую? – остановилась Ника.

– Ну, например, надеется, вы с Платоном не справитесь, тем самым дадите ему повод отстранить вас от дела.

– Не дождется, – запальчиво сказала Ника.

– погоди, тебе он вообще по-дружески предложит в милицию перейти тем же следователем, – нарисовал ее перспективы Валдис. – Там женщин полно, дела плевые.

– Почему он меня невлюбил? Я ему ничего плохого не сделала.

– Да не расстраивайся, – принялся успокаивать ее Платон. – Зам не любит молодых, считает, мы ни на что не пригодны, избалованы и бездарны. А женщин вдвойне не любит. Муж, кухня, дети – вот удел женщины, по его мнению.

– Типичный мастодонт, – вздохнула Ника. – Вступлю в партию феминисток назло ему.

– Тогда он тебя со света сживет без дружеских советов, – рассмеялся Валдис.

– Посмотрим, – вздернула нос Ника. – Да! А что тебе твой шестой номер рассказал? Мы про него забыли.

– Да ничего существенного. Кенты Кенара в большой растерянности, гадали, куда он пропал. Когда номер шесть сказал им, что Кенара убили, они начали рвать на груди тельняшки и дали клятву, мол, кровь за кровь, найдем и отомстим за смерть брата, ну и тому подобное.

– А ты говоришь, ничего существенного! Значит, не друзья его убили.

– Не стоит быть такой доверчивой, – урезонил ее Валдис. – Кенты Кенара – гниды. Сегодня они тебе клянутся в верности, а завтра стреляют в спину.

– Но у них же тоже есть свой кодекс чести, – возразила она.

– Был, – усмехнулся Валдис. – Давно. А теперь у них полный набор игр без правил даже среди своих.

– Может, поспорите в машине? – проворчал Платон.

– Да, конечно, – согласилась Ника. – Ой, а здорово вы в баре кулаками махали! Никогда бы не подумала, что умеете. Научите?

– У меня случайно вышло, от злости, – признался Платон.

– А я научу, – пообещал с улыбкой кота Валдис. – Я умею.

– Научишь при моем непосредственном участии, кое-что и я умею, – сказал Платон.

– Хи-хи! – прыснула Ника, уже забираясь в машину. – У вас такие смешные лица... Ну, ничего, синяки и ссадины украшают мужчин.

– Женщин тоже. – Валдис намекнул, что и она не лучше со своим кровоподтеком на скуле.

Завтракали с неохотой. Илона ела фрукты и пила зеленый чай, Мирон Демьянович ограничился апельсином, отрывая от него по дольке и кладя в рот, медленно и молча пережевывал. Илона без слов поняла, что он находится во вчерашнем дне, вернее, вечере.

– Ну, узнаю имя шутника... – проговорила Илона. – Глаза ему выцарапаю.

– Тебя за хулиганство и причинение телесных повреждений в милицию отвезут, – хмуро сказал Мирон Демьянович.

– Ты меня выкупишь. – Илона поднялась, поцеловала его в щеку. – Я в зал, надо отработать вчерашний неудачный ужин.

– Бросаешь меня? – проворчал он.

– Тебе же на работу, а я ненавижу сидеть дома после стрессов. Пока. Если что – звони.

М-да, стресс вчера получили многие, но не Мирон Демьянович, он-то как раз был спокоен хотя бы внешне.

Отмечали день рождения жены Кривуна, а это событие у нее случается по два раза в год, и лет пятнадцать подряд отмечается одна дата – сорок. В сущности, дело не в этом, а в Кривуне. Едва у него возникают затруднения, он созывает гостей. Поскольку затруднения преследуют Кривуна раз в два месяца, иногда реже (к счастью), стало быть, он кормит-поит нужных людей столько же раз. Чтобы разнообразить пиршество, Кривун то в ресторане гуляет, то дома накрывает столы, разумеется, не сам лично. А чтобы компенсировать затраты, приглашает на дни рождения, знает, сволочь: гости принесут дорогие подарки, бедных друзей у него не водится. Особенно поражала Мирона Демьяновича наглость Кривуна. Какую же совесть надо иметь, приглашая по два раза в год на дни рождения жены, сестры, мамы, детей? Вчера пировали у него дома. Народу набежало много, поэтому вычислить шутника не представляется возможным.

Илона не хотела ехать, потому что не выносила Кривуна и его колесо обозрения – жену, которая своей длиной затмит любого баскетболиста, она выше мужа на три головы. Но, к большому сожалению, Мирона Демьяновича связывают с Кривуном общие дела. Казалось бы, что может быть общего у них? Кривун истинный паразит, деньги делает, приклеившись к сильным мира сего, к тому же Мирону Демьяновичу, к примеру. В голове Кривуна рождались исключительно подлые идеи, и он их продавал. Да, так тоже бывает. Когда они начинали, были помоложе, а в молодости люди допускают много ошибок по причине недалекости. Теперь же Мирон Демьянович полагает, что обошелся бы и без Кривуна, раздражающего его своей назойливостью и липовой услужливостью.

Вечер проходил стандартно: поели, выпили. Перешли в гостиную покурить, поговорить, именно для этого и собрал гостей Кривун. Женщины организовали свой кружок, мужчины распределились по группам. И вдруг раздался вопль сначала одной бабищи, запакованной в люрекс от шеи до пят, потом все бабы визжали, как полоумные, запрыгивали на стулья, кресла и диваны. Мужчины кинулись к ним, ничего понять не могли, а бабища в люрексе лежала бледная в кресле, ее живот вздрагивал, как от судорог, казалось, она кончается. Из общей суматохи Мирон Демьянович вычленил слово «змея», насторожился, он-то уже познакомился со змеей не так давно. Кое-как успокоили женщин, бабище в люрексе дали валидола и воды, поставили перед ней вентилятор, чтобы обдувал ее. Стали расспрашивать, что же случилось, молоденькая дама указала пальцем на вазу:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.